

НАТАЛИЯ ОСЯДОВСКАЯ

Спасательные экспедиции

КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ

Наталия Юрьевна Осядовская
Спасательные экспедиции.
Книга четвёртая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23098744
ISBN 9785448374128*

Аннотация

В спасении нуждаются не только путешественники во времени. Непростая задача, но выполнимая – Машина Времени может спасти даже от смерти!

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Вестник беды	9
Глава 2. Это моя дочь!	15
Глава 3. Анна Никитина. Отступление №1	22
Глава 4. Мои проблемы	39
Глава 5. Отступление №2	51
Глава 6. Надежда Аронина. Отступление №3	61
Глава 7. Мои дела и Лола Хамидовна	71
Глава 8. Семейные и другие дела	83
Глава 9. Барбара Стрижова-Вольская.	87
Отступление №4	
Глава 10. Суд над Фаридой	93
Глава 11. А вдруг получится?	99
Глава 12. Эх, Олеся!	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Спасательные экспедиции

Книга четвёртая

Наталия Осядовская

Автор осуждает употребление наркотиков.

© Наталия Осядовская, 2017

ISBN 978-5-4483-7412-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Пока мы летели над Атлантикой, я засыпал и просыпался несколько раз. Все мои цветные сны были из Новейшей Эры – сначала мы с Мартином ночью почему-то в пещере и у костра. Подивившись такому сюжету, я закрыл глаза и увидел Филиппа, производящего искусственное дыхание какому-то человеку. Добило меня страстное танго, исполненное Сандро в паре с Рут. Тут я окончательно проснулся и стал размышлять о том, что реально было несколько часов назад.

Итак, вылетали мы из ДФК. Согласно билетам, сначала я – в Питер, потом, через полтора часа Эни с Надеждой в Вегас. Уже из аэропорта я позвонил Олесе и сообщил ей, что улетаю домой. Просто хотел узнать, как у неё дела и сказать «до свидания» своей подружке. Она мне очень обрадовалась и, узнав время моего рейса, пожелала приехать в аэропорт, чтобы увидеться перед тем, как я улечу. Мои осторожные намёки, что меня уже провожают две дамы, не произвели на Олеську никакого впечатления.

– Заодно и познакомимся, – хихикнула она и отключилась.

Тут диктор злорадно, как мне показалось, объявил задержку моего рейса на три часа. Теперь получалось, что Эни с Надеждой улетают раньше. Мы удобно устроились в общем

зале – уже не хотелось ни есть, ни пить. Всё было переговорено. Я и Эни держались за руки и молчали. Произнесено этого не было, но она, как бы, отпускала меня во взрослую жизнь. «Выпускала в свободное плавание». Так у них (или у нас?) в Новейшей Эре это звучит. Вооружив меня ещё и материальным достатком. И знанием двух языков. И бесценным жизненным опытом, который я приобрёл за последние несколько месяцев.

– Ну, когда увидимся и, главное, по какому поводу? – Мой вопрос прозвучал в пустоту. Ни у меня, ни у неё не было по этому поводу никаких мыслей.

Олеся нарисовалась как раз в тот момент, когда нам пора было прощаться. Может это и хорошо. Эни немного отвлеклась и как-то взбодрилась. Я сказал – «моя мама». И она протянула руку – Эни. Олеся выглядела прекрасно. Я же о ней ничего не рассказывал. Эни знала только про Анюту. Может быть, эта встреча под занавес даже даст толчок её надеждам, что всё будет у меня хорошо и будут когда-нибудь и красивые внуки тоже. Почему не помечтать?

Мы проводили их до специального выхода и вернулись в зал. Я получил от Олеськи недавно вышедший буклет: на обложке – я темноволосый и с хвостиком несущий её на руках. Она тут же заметила, что я вернулся к своему цвету, а когда поняла, что и к своей длине – удивлению её не было границ.

– Ты их наращивал? Зачем? – Я быстренько объяснил что-то про пересъёмку в одном из своих проектов. Но Олеська

не унималась:

– Твоя мама с подругой летят в Вегас как туристки, да? Зачем же тогда тебе так срочно в Питер?

Пришлось напустить туману. С большим трудом мне удалось перевести стрелки на события её жизни. Хотя обычно и женщины, и мужчины любят рассказывать о себе.

Олеся сообщила мне, что они с Джимом уже зарегистрировались как раз в Лас Вегасе. Потом она сообщила – когда. В результате выяснилось, что я тоже был там именно в это время. А в тот вечер, когда мы с Эни были на шоу, посвящённом Биттлз, у них и состоялось бракосочетание и был банкет по этому поводу. Посмотрев фотографии – на них она выглядела как принцесса, выходящая замуж за свинопаса, я поздравил подругу. И услышал в ответ, что этот брак, конечно, по расчёту. И только время покажет, был ли этот расчёт верным.

Подарка для неё у меня уже не было – шляпка, купленная в бутике Шанель,полнила коллекцию Эни. Эх, если бы можно было рассказать Олеся о знакомстве с ней и Полем Пуаре! Я спросил её, что она думает об этом модельере начала века. Представление о нём у Олеся было в основном как о конкуренте Шанель, которого она «победила». И освобождение от корсетов, считала девушка, – тоже заслуга Шанель. Мы с ней поспорили немножко и тут объявили мой рейс. Она как-то сразу погрустнела.

– Надеюсь, что не пройдёт и месяца, как ты приедешь

опять работать сюда. Основные заработки моделей всё же здесь. А пока... звони хоть иногда. – Вздохнула Олеся.

– Ты теперь замужня дама. Дружить с тобой – можно, но очень осторожно. – Пошутил я. Олеська обняла меня за шею. Локти её свободно лежали на моих плечах. Вот это рост!

– Дорогая моя баскетболистка! – Поцеловал я её в щёчку. – Я обязательно буду тебе звонить. А как только буду снова в Нью-Йорке, мы встретимся.

И я ушёл на посадку.

Теперь в воздухе, вспоминая эти разговоры, я понимал – чтобы не прослыть бароном Мюнхгаузенем, мне надо чётко отработать свою легенду. А то даже Олеся моментально заметила, что волосы за две недели отросли совершенно неправдоподобно.

Что же, родители знают главную правду. И, надеюсь, будут только рады, что я теперь (и они со мной) при деньгах. А про перемещения во времени я пока помолчу.

Проснулся я, когда мы подлетали к Питеру. Ещё чуть-чуть и я буду дома. Как же я соскучился!

Глава 1. Вестник беды

Я уже звякнул, что самолёт благополучно приземлился. И что меня довезут.

Никто меня, конечно, не встречал. Получив багаж, я отправился на стоянку такси. В Питере уже опять было раннее утро. Уточнив у шефа какое сегодня число, я прикинул что, пол суток как бы пропало – на этот раз я летел против движения солнца. Я тут же вспомнил, что за счёт перемещений во времени недавно выиграл больше семи месяцев. Развлекая себя такими подсчётами, я жадно всматривался в мой город, который едва пропечатывался сквозь утреннюю мглу, как на старой гравюре.

– Здесь мой дом! Это мой родной город! – как заклинание повторял я сам себе.

Родители мои, конечно, уже не спали и даже были одеты, как для прогулки в воскресный день. После приветствий и поцелуев они долго меня осматривали (я их тоже) и говорили, что я похудел и повзрослел. И весь такой красивый и заграничный. Я совершенно искренне заметил, что мама почти набрала свой вес и выглядит намного лучше. Ну, а отец как всегда...

– И, слава богу! – перебил он меня. Я заметил, что разговор наш всё время обрывается.

Молчание принимает какой-то странный характер. Они

как будто чего-то ждали. Я вручил им подарки, которые купил почти сразу, как приехал в Нью-Йорк в первый раз.

Отцу – джинсы легендарной фирмы «Леви Штраус», а маме – разукрашенный под старину альбом Элвиса Престли. «Спасибо!» – но, практически, никакой реакции.

– Я неплохо заработал и вообще теперь мы с вами разбогатеем! – я открыл рот и хотел рассказать им, что встретился с Эни, и что получил от неё деньги, которые она для меня скопила. Тут раздался звонок в дверь, и отец просто пулей побежал открывать.

– Мам, я не пойму, вы кого-то ещё ждёте? – и осёкся. Из глаз её лились слёзы. Губы вздрагивали.

– Прости, сынок. Мы не смогли сказать тебе сами, – всхлипывала она, когда я обнял её за плечи. Тут в комнату вошёл отец вместе с моей бывшей однокурсницей Викой. Одета она была совсем просто и выглядела очень серьёзной. Поздоровавшись со мной, она попросила всех сесть. Недоумевая, я подчинился.

– Андрей, Аня погибла. Вчера было 9 дней, как это произошло, – когда она это сказала решительно и чётко у меня как будто отнялись руки и ноги, а в мозгу, расширяясь, возникла чёрная дыра. Отец мне тут же подсунул стакан воды, пахнувший валерьянкой.

Я выпил. И «дыра» рассосалась.

Предсказание жрицы сбылось! Эта мысль стучала у меня в голове, но озвучить я её не мог. Все смотрели на меня

и ждали.

– Как это случилось? – спросил я. И Вика начала свой рассказ.

– Было уже темно, я готовилась ко сну. А отец всегда смотрит в 23.00 «Криминальные хроники». Сама я никогда не смотрю, на ночь глядя, такие страсти. Вдруг слышу:

– Виктория, быстрее сюда! – показали в нескольких курсах лицо девушки, пострадавшей в ДТП. Это была Аня! Совсем недавно я приглашала девчонок из группы к себе – как раз было 8-е Марта, отец привёз нам огромный 3-х этажный торт, и срочно требовалась помощь в его поедании. Родители тоже пили с нами чай и уж конечно запомнили Анюту, поскольку её беременность уже тогда была для всех очевидна. Она же была маленькая и худая, а живот как гора.

– Посмотри, по-моему, это ваша Аня, – только и сказал отец. Диктор в конце сюжета попросил тех, кто узнает пострадавшую срочно позвонить по телефону. Отец у меня очень такой – организованный что ли. Он моментально набрал номер и дал мне трубку. Я объяснила, что девушка очень похожа на мою однокурсницу. И спросила:

– А она, случайно не беременна? – услышав, что у неё примерно семимесячная беременность я поняла, что всё сходится. Они очень просили меня приехать прямо сейчас, потому что дело имеет криминальный характер. Они пришлют за мной милицейскую машину. Отец, который слушал по параллельному телефону, сказал, что мы приедем сами, и за-

писал адрес. И мы поехали вместе в ту больницу, куда отвезли Аню.

Всю ночь она была ещё жива. А рано утром вышел хирург, седой и серый от усталости и сообщил, что ребёнок – девочка родилась живой, а Аня умерла, не приходя в сознание.

Я видела её живой, но без сознания, когда мы только что приехали. Следователю надо было уточнить опознание. Поскольку я знала точную фамилию, имя, отчество и возраст – найти адрес уже труда не представляло. Тем более что платье и куртка были надеты прямо поверх ночной рубашки. Она как бы выскочила из дома за чем-то срочно и ненадолго. Место жительства оказалось рядом. К утру нашлись и свидетели, которые описали чёрный внедорожник, который её сбил.

Улицы в это время пустые, но мужчина, который перешёл улицу чуть раньше Ани, утверждал, что она шла на «зелёный». Это внедорожник мчался на «красный» и с превышением. И, сбив человека, помчался дальше! Собрали сведения с постов ДПС. По ряду совпадений и, самое главное, зная точное время происшествия, вычислили номер и владельца этой машины.

К утру появилась и мать Ани со своей сестрой. Эта её сестра явилась вчера к ним поздно вечером и была свидетелем, как Аня, которая уже ходила по квартире в ночнушке, вдруг быстро оделась и ушла, не сообщив им, куда и зачем.

Мать Ани, конечно, плакала, когда узнала, а сестра старалась её как-то отвлечь.

– Что, делать, вот такая она у тебя неудачная! Может и к лучшему, что бог прибрал, – мне запомнилась эта фраза противной тётки и после этого я просто смотреть на неё не могла.

Там был ещё элегантный холёный мужчина в дорогом сером пальто. Я его узнала – это известный адвокат. Его как-то раз показывали по телевизору. Он заявил, что представляет интересы Фариды Бакеевой, которая не может сама прийти, потому что у неё нервный срыв! Эта самая Фарида и была за рулём внедорожника.

Ещё милицию заинтересовал отец ребёнка, родившегося у Ани. Не в последнюю очередь потому, что тётка там целый сериал насочиняла, когда её спрашивали, куда же, по её мнению, направлялась Аня в такой поздний час. Вика передразнила интонацию рассказчицы:

– Она от нас всё скрывала! Ни я, ни мать не знаем, от кого она нагуляла ребёнка. Мы де расстались и всё. А сорвалась на улицу она не просто так! Это он ей позвонил, так мы решили. С ним она и побежала на свидание. Торопилась – вот и попала под машину.

Меня тоже расспрашивали об отце Аниного ребёнка. Я не стала строить никаких предположений. Близкой подругой не была, ничего не знаю.

Посмотрев на меня, она продолжала, но мягко и сочувственно:

– Ты не думай, мы с группой проводили Анечку – как по-

ложено всё сделали. И ребята деньги собрали, ну и родители мои помогли. Малышку уже перевели из той больницы в специальный детский центр. Там сделают всё по высшему разряду.

У меня, видимо, было такое лицо, что она сказала:

– Ну, всё, свою роль гонца с худой вестью я исполнила. Аплодисментов не жду. Уж не вели казнить! Пойду, пожалуйста. Звони, если что. – И она встала, собираясь уйти.

– Нет, останься, пожалуйста. Это действительно мой ребёнок. Дай мне все координаты, я прямо сейчас пойду в милицию и всё объясню.

Я оделся, и мы вышли вместе.

– Спасибо, тебе, Вика, за всё. И папе своему передай от меня большое и искреннее спасибо. Вы сделали всё, что могли. Теперь моя очередь!

Глава 2. Это моя дочь!

И я поехал в отделение. По толковым Викиным объяснениям легко нашёл следователя, который вёл это дело. Он сначала нехорошо обрадовался:

– Сам пришёл? – и повёл меня в отдельный кабинет.

– Ну, давай, излагай свою версию, – предложил он.

Я просто показал ему свой паспорт с визами – ещё вчера, как и ближайšie два месяца перед этим я находился на территории Соединённых Штатов. Он сразу как-то подобрел. Я продолжал:

– Просто я думаю, что родившаяся у Ани девочка – моя дочь. Потому, что сентябрь и октябрь мы с ней жили в гражданском браке. По срокам всё совпадает.

– А потом что было? – поинтересовался следователь.

– Потом она меня оставила, – признался я.

– Ой, ли? – засомневался он.

– Ну, я же не утверждаю, что был ни в чём не виноват. Она так была на меня обижена, что даже не сообщила о своей беременности. И всё равно я думаю, что ребёнок мой. Могу я официально оформить этот факт и забрать девочку?

Следователь посоветовал мне обратиться к адвокату.

– Дело это не простое. В какой последовательности всё будет сделано – даже это имеет значение. – Вздохнул мужчина. – Хотя обычно задача ставится прямо противоположная.

– А эта женщина, которая сбила Аню и даже не оказала ей помощь? Она арестована?

Он замялся, но рассказал мне про Фариду:

– Эта женщина – жена большого человека. Она была арестована, но выпущена в этот же день под подписку о невыезде. Её муж – владелец Торгового Центра на Да-да того самого. Как только её сюда доставили – такое давление началась на моё начальство. Примчался адвокат. (Он назвал известную фамилию) – Пожалею я мол, что нанёс его клиентке моральную травму. А когда я возразил ему, что его клиентка задавила насмерть беременную женщину и скрылась с места преступления.

В общем, даже вспоминать не хочется. Оказывается, его клиентка наехала на сумасшедшую, которая её чуть ли не преследовала. Да, что я тебя всем этим напрягаю? Понятно, что денег у них немеряно. Докажут и что чёрное есть белое, докажут и наоборот.

Я попрощался с ним, договорившись, что зайду завтра прямо с утра, и он подскажет мне, что делать дальше.

Когда я вернулся домой, родители, как мне показалось, даже не переоделись. Я рассказал им про свой поход в милицию и о том, что там было.

Как ни странно, я хотел есть. (Животное!).

– Мама, а что у нас на обед? – эта моя простая фраза как – то сразу разрядила обстановку. Мы стали все нормаль-

ным, такими, как были. Поели фирменного мамино борща со сметаной. Даже выпили с отцом «за упокой» по маленькой стопочке водки. У него сегодня выходной. Он теперь работает в охране «сутки через трое».

Мама моя всё ещё на больничном после той операции.

– Больничный вот-вот кончится. Надо что-то решать! С одной стороны, я соскучилась по своей работе, но боюсь, что просто физически не выдержу ночных дежурств. Начальство считает, что можно устроить мне отдельный график, но я—то понимаю, что на моих сменщиц ляжет дополнительная нагрузка. И недовольство рано или поздно возникнет. Придётся идти на пенсию по инвалидности! До пенсии по старости мне ещё три года.

– Оформляй пенсию мама! Я не хочу, чтобы ты ходила куда-нибудь на работу, напрягая свои последние силы. Работать будем мы с отцом.

Тут я рассказал им про то, что получил деньги, которые скопила для меня Эни.

– Мы купим загородный дом недалеко от Питера. Есть же места, из которых можно легко добраться до города. И будем там постоянно все вместе жить. Эта квартира тоже останется – вдруг кому-то из нас понадобится переночевать в городе. Mamochka помнишь, как мы отдыхали в райцентре у твоих родителей? Это одно из самых лучших моих детских воспоминаний.

– Сынок, ты не представляешь, сколько стоит такой дом!

– Да, я не представляю. Но скоро вернётся из Америки Надежда, она и поможет нам сделать всё наилучшим образом!

И мы уже строили планы, как будем за городом жить все вместе. Сможем завести собаку. Или возьмём котёночка. Посадим смородину, крыжовник, разведём цветы. Эти простые и понятные каждому мечты уже делали нас счастливее. Перед сном я даже уговорил отца примерить джинсы, которые я ему привёз. Сидели они хорошо. Требовалось только немного укоротить. Но это не проблема.

А вот когда лёг спать, я уже не смог отвлечься. Аня! Маленький мой талисманчик! Каким же адом были для неё эти последние месяцы! Если бы не те подлые фотографии, всё могло быть по-другому. Если бы она сказала мне о своей беременности – мы бы поженились. Но история не терпит сослагательного наклонения.

Я был первым в очереди, дожидавшихся моего следователя. Он торопился разобраться со всеми, поэтому просто быстренько дал мне адрес матери и отца Аняты.

– Они «доказанные» «бабушка» и «дедушка». И твои главные конкуренты, если ты хочешь забрать девочку. Сходи к ним, разведай обстановку. Лучше всего, если они напишут официальный отказ.

В квартире матери Аняты я даже был один раз, но ни за что бы не нашёл, если бы не знал адрес. Меня впустила

плотная, моложавая блондинка с ярко покрашенными губами. Показав где раздеться, усадила в кресло и ко мне вышла другая искусственная блондинка, не такая яркая, но тоже совершенно не похожая на Анюту.

Я произнёс заготовленную речь. Выражаю соболезнования по поводу смерти дочери. Предлагаю материальную помощь, поскольку похороны стоят не меньше свадьбы.

Роза Михайловна, как она мне представилась, молчала.

Я тогда осторожно сказал, что мы с Анютой жили в гражданском браке сентябрь и октябрь, и поэтому я почти уверен, что девочка, которую родила Аня – моя дочь. И закинул удочку:

– Как вы мыслите будущее девочки?

Оглянувшись, я понял, что в комнате присутствует и блондинка, открывшая мне дверь.

– Лидия Михайловна, – представилась она, – родная тётка Анечки. И продолжила:

– Мы с Розой, сами понимаете, уже обсуждали это вопрос. Она больная женщина, маленький ребёнок – непосильная ноша для неё. Совсем другое дело, если бы Аня была жива. Так что ребёнок быстрее всего попадёт на усыновление.

Я тут же ввернул:

– Не могли бы вы официально отказаться от претензий на опеку? Я собираюсь забрать девочку.

Обе родственницы воззрились на меня с немым удивлением.

– Нам нужно обдумать этот шаг, – наконец-то произнесла Лидия Михайловна.

– Мне дали адрес и отца Ани. Вы с ним в разводе, так я понял?

– Да, вы всё правильно поняли, молодой человек, – Роза Михайловна попробовала, было, раскрыть рот, но не успела. Лидия Михайловна продолжила:

– Вам повезло. Фёдор Николаевич сейчас находится здесь. Он приехал забрать Анечкин компьютер. Нам с сестрой он не нужен.

И провела меня в маленькую комнату, где прямо на стене на плечиках висел красный Анютин плащик. У меня прямо сердце заныло и слёзы подступили к глазам, когда я знакомился с отцом Ани. Это была папина дочка! Небольшого роста, худой мужчина с Аниными тёмными внимательными глазами сидел за компьютером. Он повернулся в кресле и подал мне руку.

– Фёдор Николаевич, – сказал он, пожимая мне руку. – А вы Андрей? – я кивнул.

– Я знаком с вами заочно Аня рассказала мне о вас, правда, когда вы уже расстались.

– Я хочу забрать девочку. Я почти уверен, что это моя дочь!

– Да, это твоя дочь! Я тут прочёл кусок Аниного дневника что-ли. У тебя есть «мыло»?

Я пошлю тебе его. Тебе тоже надо это прочесть.

Я набрал своё «мыло» и он прицепил файл с Аниного компьютера. Я сказал ему про официальный отказ от претензий на опеку. Фёдор Николаевич подтвердил, что с его стороны проблем не будет. Особенно если я буду не против... Он хотел бы иногда общаться с внучкой. Я обещал.

Глава 3. Анна Никитина.

Отступление №1

То, что произошло в моей жизни за последние десять месяцев – заслуживает отдельного описания. Их я прожила почти как героиня романа – и радости, и несчастья – всё полной чашей. Но лучше я начну с самого начала.

Мои родители познакомились на заводском вечере по поводу годовщины революции. Отец увидел маму на сцене, и впечатлился, как она звонко читала стихи Маяковского. Подошёл к ней, когда начались танцы. В этот же день и проводил до дома. Начали встречаться. Тогда это так называлось. Ходили вместе в кино, на танцы, даже ездили за город с заводским экскурсионным автобусом. Начальство тогда заботилось о повышении культурного уровня рабочего класса. Отец работал на токарном станке, а мама – контролёршей готовой продукции. На заводе они почти не виделись, смены часто не совпадали. В результате – не прошло и года – поженились, толком не успев узнать друг друга. Молодым сразу предоставили семейное общежитие. Так везло не всем. Но родители оба имели уже стаж работы, и, главное, были на хорошем счету. Итак, приглашённое на комсомольскую свадьбу начальство вручило им ключ от комнаты. Зарабатывали оба неплохо. Отдельное помещение. Казалось бы, живи

и радуйся!

Через год родилась я. В общёжитии мы прожили недолго. Передовым рабочим, стоящим в очереди на получение жилплощади, предоставили двухкомнатную квартиру. По тем временам – везение дикое и счастье невозможное.

Тем не менее, развелись они в первый раз, когда я закончила второй класс. Кто был инициатором? Как мне казалось, мать. Хотя потом, уже во взрослом состоянии я считаю, что оба хороши. Каждый очень хотел использовать по максимуму партнёра, но не хотел, чтобы использовали его. Они сходились снова, и опять мать через некоторое время подавала на развод. Эти разборки длились всё моё школьное детство. Капитально надоели их ссоры, да и фальшивые насквозь примирения. Уже не верила я в благополучный исход! Мать непрерывно пилила отца за запах спиртного, за то, что приносит мало денег, за недостаточную, по её мнению, чистоплотность.

Он долго мог молчать – не связываться, как он говорил. Зато потом, разозлённый до белого каления, начинал орать ей всякие обидные слова и уходил, громко хлопнув дверью.

Про меня вспоминали, когда нечем было крыть кроме «постыдись хоть ребёнка». Самое плохое это то, что у меня не было не то что своей комнаты, но даже своего личного угла в нашей не такой уж маленькой квартире. Мать хотела, чтобы «было всё как у людей» – зал и спальня. Так что спала я в зале на раскладном диване, а уроки делала обычно

на кухне, потому что в зале или ссорились родители, или сидела и часами разговаривала с матерью её сестра тётя Лида.

Они с матерью погодки – тётя Лида немного старше. И вышла замуж немного позже мамы, а «выгнала» своего мужа намного раньше. Это её крылатая фраза: «А для чего же тогда держать мужика?» Как будто это домашнее животное. Она вообще обладала редкостной способностью обязательно соблюсти свои интересы. Могла часами сидеть и нудить, если ей что-то надо. Например, продать матери что-то ей не нужное и при этом ещё и навариться. Любую ситуацию она могла вывернуть наизнанку и обратить в свою пользу! Но ей всё прощалось, поскольку это она устроила мать в гостиницу дежурной. Там селились иностранцы, и местечко считалось очень-очень тёпленьким. Так что сёстры теперь работали вместе, но на разных этажах.

Мать характером слабее, и становилась, в конце концов, на её сторону. Мне было то ли тринадцать, то ли четырнадцать, когда меня послали на тёткину квартиру забрать банку мёда, который она якобы для нас купила. Дома был очередной дядя Слава, которых тётя Лида меняла примерно раз в год. Когда я вернулась без мёда, взъерошенная и рассказала им, что этот дядя Слава предлагал мне с ним «поиграть», тётка всё так извернула, что я же оказалась и виновата. Теперь оценивая мой внешний вид, она обычно прибавляла какую-нибудь гадость типа «принесёт она тебе в подоле».

Когда была поменьше, быстренько сделав уроки, я мча-

лась на улицу. Там носилась по двору, лазила в подвал и на чердак с компанией мальчишек и девчонок. Но двух старших наших друзей отправили в колонию. Они украли из школы аппаратуру. И «гулять» мне было строго запрещено. Теперь, сделав уроки, я сидела дома. Сначала было очень тоскливо, а потом я пристрастилась к чтению.

То есть я и раньше читала всё, что полагается по программе. Училась я, кстати, не на отлично, но очень неплохо. То есть в основном «хорошо», а по литературе и истории – «отлично».

Итак, я начала читать любовные романы, которые у нас валялись везде в изобилии. Ими мать снабжала всё та же тётя Лида. Пока я этого «наелась», я прочитала штук сто таких историй. Зато теперь я могла так погрузиться в чтение, что не слышала ни разборки родителей, ни телевизор, ни болтовню двух сестёр. Надо мной опять же посмеивались, но считали, что это занятие всё же лучше, чем носится по двору.

Там были и «жизненные», как мать их называла, про наше время. Но большая часть – про старые времена. Про благородных графов, смертельно влюбляющихся в бедных, но честных девушек. Кроме графов, героями могли быть принцы, рыцари, отважные капитаны, а влюблялись они, как правило, в бедных, но очень красивых и гонимых блондинок с голубыми глазами. Преодолев все испытания и козни врагов, влюблённые в конце истории соединялись навек.

Что ещё при этом происходило, я к этому времени зна-

ла не только теоретически. Ещё до «разгрома» нашей компании Влад, один из двоих, попавших потом в колонию, однажды заявил, что мне пора «сделать операцию». Это был высокий и довольно красивый мальчик, корчивший из себя «бывалого» и державший «рядовых» на расстоянии. Я пошла с ним даже без раздумий, хотя примерно догадывалась, что мне предстоит. В комнате в подвале, от которой только у него был ключ, он и проделал всё, но обставив декорациями операционной. Наркозом и антисептиком послужила запасённая бутылка водки, а перевязочным материалом – пачка бумажных салфеток.

– А сейчас потерпите, больная, вам будет чуть-чуть больно, – не знаю, где он набрался этого всего? Из телевизора, наверное. Кончив в салфетку, Влад сказал мне:

– Поздравляю, теперь ты – настоящая женщина. Заживёт через два дня, и можешь пользоваться! – Вспоминая, впрочем, потом обстоятельства этой «операции», я решила, что это был ещё далеко не самый худший вариант.

Рассматривая себя в зеркало, я понимала, что далеко не блондинка, а глаза у меня быстрее тёмные. И ростом я слишком мала, а выпуклости в нужных местах едва намечены. Не то, что я была совсем недовольна своей внешностью, но, хотя и читала всё время сказки, могла судить здраво о своих достоинствах.

Но всех мальчиков я рассматривала теперь, представляя их в обличье принцев, или благородных пиратов, или в ры-

царских доспехах. И некоторые из них выглядели бы очень и очень неплохо в этих старинных образах.

Тем временем я закончила школу. И, наконец, отец съехал от нас с вещами. Он нашёл женщину, которая его прописала, и стал жить у неё. Этот факт хотя бы прекратил ссоры, которые случались практически ежедневно все эти 10 лет.

Я поставила матери свои условия:

– Мне тоже нужна отдельная, именно моя комната. Выбери-рай!

Она повозмушалась, даже поплакала – мол, я такая-сякая, оставляю её без спальни, но деваться некуда. Выбрала она, конечно, зал. Он почти 20 метров, а спальня – около 12.

Но я была и этому страшно рада. Должен человек иметь место, где он может остаться наедине сам с собой. Выка-тив широкую родительскую кровать, я поставила туда свой раскладной диванчик. И врезала в дверь замок, купив его на сэкономленные карманные деньги. Шифоньер мать забрала. Я была и этим очень довольна, представив, как она каждый раз переодевалась бы в моей комнате. Отгородив занавеской угол, я повесила просто на плечики свою одежду, которой набралось-то всего ничего и... Явно не хватало письменного стола. Помог мне отец. Теперь мы встречались с ним примерно раз в неделю в парке или в кафе, если погода была совсем плохая, и разговаривали и час, и два. Разговаривали в основном обо мне, и вообще о жизни. Раньше, когда мы жили под одной крышей, ему было не до моих проблем.

Это он купил мне компьютер и специальный стол с крутящимся креслом, чтобы было удобно работать. Моя комната сразу стала такой стильной!

Я бросила читать сказки и засела за компьютер. Интернет, оказалось, просто неисчерпаемый кладёзь информации. Я легко выискивала разные интересные материалы из нашей и не нашей истории. Тогда и решила, что буду поступать на истфак. Больше всего меня привлекала работа с первоисточниками, и я подала на архивное отделение. Поступила довольно легко.

И в нашей в большинстве девчачьей группе будет учиться такой мальчик! Настоящий принц – высокий, стройный с пышной шевелюрой золотистых вьющихся волос. Держался он, впрочем, очень обыкновенно. Не задавался совершенно. На картошке мы познакомились ближе – он оказался азартным шахматистом. Меня научил играть отец, а натренировалась я во дворе. Андрей, так его звали, научился совсем недавно и играл не очень хорошо. Он так и говорил:

«Не умею, но люблю!» И я в любую свободную минуту вынимала карманные шахматы, которые к счастью оказались у меня с собой, и предлагала: «Сгоняем!» Когда ему удавалось у меня выиграть, он радовался как ребёнок. Девчонки попытались его закадрить, но он относился к этому с юмором. Их приговор гласил: «Слишком ещё малый!»

Но неожиданно после первой сессии он ушёл из универа, хотя сдал всё почти на отлично. На все наши попытки выяс-

нить причину, он отшучивался, отвечая, что проводит для Голливуда приватное историческое расследование. Когда закончит – восстановится.

«Но уже не в нашей группе» – вздохнула я про себя. Летом я случайно увидела его с бейджилом в отделе Торгового Центра. Он подтвердил, что работает – продаёт диски. И был совершенно такой, как в группе – весёлый, красивый и дитя дитём. Как раз в это время я устроилась на работу в клуб.

Конспекты лекций всё время брала у меня Лилечка из параллельной группы. Она в универе бывала редко, а у меня – всегда полный комплект. Так вот её папочка оказался владельцем одного из первых ночных клубов. Дочка замолвила за меня словечко, и я теперь в шоколаде. Платят очень даже нормально, еды сколько хочешь. Во время учёбы я зарабатывала меньше, а во время каникул смогла даже что-то скопить. Интим с клиентами исключается – охрана за этим следит. Униформа, правда, включает туфли на огромных «шпильках». К концу смены ноги гудят. Но совсем всё хорошо не бывает.

Так вот, как-то раз в конце июля почти в полночь выхожу я с работы. Звонок по мобильнику. Андрей? Он не звонил мне несколько месяцев. Просит к нему приехать. Я даже не сомневалась – поймала такси возле клуба. Он, оказывается, в квартире пока один – родители уехали в Москву по делам.

Не прошло и часа, как я к нему вошла, и мы стали любов-

никами по полной программе. Причём до этого даже не целовались ни разу!

Такого счастья и гармонии я не испытывала ни с одним из своих немногочисленных бойфрендов! На следующий день он мне опять позвонил, и мы стали встречаться практически ежедневно. Вернулись его родители. Теперь мы просто бродили по городу и разговаривали на самые разные темы.

Вот основное от меня отличие – он мамина и папина радость и гордость. Родители тоже любят друг друга. И этот светлый мальчик, выращенный в любви, и меня полюбил искренне и бесхитростно. Проблемы, правда, появились и у него. Оказывается, родители ездили в Москву на консультацию в какую-то супер клинику. И профессор приговорил – его матери срочно необходима дорогостоящая операция. А денег в таких количествах взять нигде. Вроде есть богатая тётка, но связь с ней односторонняя. Выход один – срочно взять кредит под грабительские проценты, и найти денежную работу, чтобы его отдать.

Андрей обратился ко мне, чтобы я спросила про место охранника для отца. Но это нереально! Охранники у нас все до сорока. А вот в группу мужского стриптиза можно попробовать устроить Андрея. Так я собственными руками, если выражаться как герои моих детских сказок, разрушила своё счастье. Он, конечно, не с охотой, но стал танцевать в нашем клубе. Родители взяли в долг у подруги той самой тёт-

ки, и уехали в Москву делать операцию.

А я переехала к Андрею на то время, пока он один. Это было почти два месяца счастья нереального. Теоретически я понимала, что он на мне не женится. Хотя бы потому, что рано ему ещё жениться. Я вообще и мечтательница, и пессимистка одновременно. К тому же мне начали интенсивно твердить об этом со стороны. В клубе мы почти не встречались – его «смена» начиналась тогда, когда кончалась моя. Но ...от народа ничего не скроешь. Женский персонал нашего клуба, посчитав необходимым высказать своё мнение по этому поводу. Видимо сначала обсудив вопрос в кулуарах, они – сегодня одна – завтра другая – так мне прямо и говорили:

– Вы не подходите друг другу. Он тебя бросит, вот увидишь!

У меня вертелись на языке фразы одна другой ехиднее, но... Работу эту потерять я не хотела.

Когда мы с группой ездили в Павловск на экскурсию эту же пластинку завели и наши девчонки. Не все, но нашлись доброжелательницы.

Эх, куда же ты делась, пресловутая женская солидарность? Неужели мы теперь можем быть только конкурентками? Как говорится, принцип человек человеку – волк никто не отменял.

Но это были всё ещё цветочки. Ягодки пошли, когда в Андрея влюбилась (или просто решила заполучить) Марина –

журналистка, любовница зам. начальника охраны Матвея.

Я не спору, возможно, я не совсем соответствую Андрею, но эта. ...Просится неприличное слово. Рядом они бы смотрелись как белый пушистый кролик в объятиях мерзкого развратного удава. Она искала к нему подходы с разных сторон. И кое-чего добилась. Он сводил её в ресторан в благодарность за статью в ихней газетёнке.

Меня тоже параллельно обрабатывали её агенты. Вдруг Матвей, её любовник, начал оказывать мне знаки внимания. Но я – не тщеславна. А ночью, после работы, несколько раз меня встретила цыганка. Сначала просто предлагала погадать. А когда поняла, что я не соглашусь, просто подходила ко мне и пугала: «Брось его, тебя ожидает смерть», – и всякое такое. Я не стала рассказывать Андрею про все эти пассы. С детства привыкла обходиться своими силами. Но морально была готова ко всему.

В этот день Марина опять разразилась статьёй об Андрее. Но статья была не сахарно-льстивая, как в тот раз, а издевательская. Причём из неё можно было понять, что он ведёт с ней разговоры и на посторонние темы. Я была в недоумении. Если у них роман – почему тогда такая мерзкая статья?

Все мои сомнения развеялись, когда я вернулась вечером с работы. Курьер, который дожидался в подъезде, вручил мне увесистый пакет. Я расписалась за него, и, войдя в квартиру, сразу вскрыла. Это были фотографии. Много – не один десяток. На них мой Андрей занимался сексом с этой тва-

рю. Это происходило в гримёрке клуба. В разных ракурсах, разных увеличениях, некоторые даже раскрашены фотошопом.

Мне этого хватило! Я собрала свои вещички и вызвала такси. Нашу кошку Маську я тоже забрала с собой. Если бы я знала! Вернулась домой, открыла свою комнату...

Мне очень хотелось поплакать, но я не стала слишком радовать мать. К тому же её сестрица тоже ночевала у нас в ту ночь. Больше всего их возмутило, что я с кошкой. А Маська скучала по той старой квартире, где её так любили и баловали, и стоило мне выйти на минутку, начинала мяукать дурным голосом.

Утром мне позвонил отец – умерла его мать, моя любимая бабушка Софья Михайловна. Единственный человек на Земле, который меня бескорыстно любил!

Я взяла на работе отпуск по семейным обстоятельствам, и мы поехали на похороны.

Мобилу я забыла дома. Но это не главное. Маську свою я тоже оставила в квартире!

Когда через неделю вернулась – не нашла ни мобилы, ни Маськи. Мать фыркнула что-то вроде – очень де просилась на улицу, ну и пришлось выпустить. Я два дня бегала по двору искала её, пока мальчик не показал мне кошачий трупик под нашими окнами.

Это была она! Моя маленькая ласковая кошечка! Как можно выбросить из окна живое существо? Несколько дней

я просто активно ненавидела и мать, и тётку.

Андрей не давал о себе знать. Мобильник мой, правда, не отвечал по понятной причине, но если бы захотел – нашёл. Или дома, или в универе. Значит, вздохнул с облегчением!? В довершение всего я поняла, что беременна. Задержка превышала две недели. Все ссылки на стресс и перемену климата уже не годились. Купила тест – всё точно!

Вот он и пришёл, час расплаты, решила я. И стала думать, что мне делать. Сходила в поликлинику, чтобы уж всё точно знать. Подтвердилось! Для «вакуума» уже поздно. Сдала анализы на всякий случай и взяла направление на «прерывание».

Три дня на раздумья. Сообщать ли Андрею? Ну, какой из него отец! В свои 20 лет он сам ребёнок. Мне, правда, тоже не больше, но я уже и не помню, когда была таким дитём.

Матери я сообщать не собиралась, если пойду на операцию. А если решусь оставить – поставлю перед фактом! Позвонила я отцу. И мы с ним сидели в нашем кафе и прикидывали, как лучше сделать. Он почти сразу спросил:

– Ты представь на минутку, что нет причин материального характера. Хотела бы ты сохранить этого ребёнка? И расскажи мне про этого парня. Фамилию можешь не называть.

Выслушав, какой он замечательный – умный, красивый и добрый, отец мне сказал:

– Бабушкин домик, который она мне завещала, я выставил на продажу. Все вырученные деньги пойдут в пользу моего

внука (или внучки). А ты перейдёшь на заочное, и будешь учиться, и растить дитё. Мать с тёткой покричат – покричат и успокоятся. Увидят маленького – может быть, и полюбуют, старые ведьмы.

Расстались мы довольные друг другом. На аборт я не пошла. Не дождётесь! Ребёнка от Андрея я сохраню! Положу на это все силы. Мне почему-то сразу представилось, что у меня будет именно девочка с золотыми волнистыми волосами и серыми глазами, как у него. Уж она-то будет сама выбирать, кому оказать честь и выйти замуж!

Я исправно ходила на занятия. А вот из клуба пришлось уйти – врач, к которому я встала на учёт, посоветовал мне не переутомляться, чтобы не было угрозы выкидыша.

Очень трудно я привыкала жить без Андрея. Иногда просто завывать хотелось. Но время шло, боль притупилась.

Тем более что кроме учёбы меня занимали разные теоретические и практические занятия для беременных. Я ходила даже на лечебную физкультуру, где нас учили правильно дышать, когда начнутся схватки. В Инете я тоже много всего нарыла полезного. Теперь я питалась только правильными продуктами, чтобы не повредить малышу. Он уже начал тихонько толкаться. Так что я ждала и заранее любила моего маленького. Мой отец – будущий дедушка – положил на мой счёт деньги за проданный дом. Мы с ним встречались теперь чаще – только с ним я и могла обсудить свои ощущения и проблемы. Ну, ещё с доктором и с такими же «пузати-

ками», как я до или после занятий.

Мать с тёткой я оповестила, когда живот уже невозможно было скрыть. Так и получилось, как сказал отец – покричали и успокоились.

Новый Год я встретила с моим любимым компьютером. Там можно найти всё – и новости, и музыку, и виды разных красивых празднично украшенных городов. Встречать Новый год с группой не пошла, поскольку мне уже нельзя не только пить, но и есть то, что там будет.

Сессию сдала почти на отлично. В каникулы мы много гуляли днём по зимнему парку вместе с отцом. Он теперь работал на складе сутками, но зато потом два дня был свободен. Я рада, что у него нормальные взаимоотношения с его новой женой. Они стараются не критиковать друг друга и не «лезть в душу». Зарплату у него тоже никто не отбирает. Они скидываются на питание и услуги и делают небольшой НЗ. Остальным каждый из них распоряжается, как хочет.

Почему же мой отец, такой, оказывается, разумный и практичный, не мог завести такой порядок дома?

– Ты знаешь, Анята, опыта, наверное, не хватило. А пока научились – наломали столько дров, что стали безумно раздражать друг друга. Ну, ещё тётка твоя подливала всё время масла в огонь. Разве я мог, запретить ей общаться с сестрой?

Да, уж, Тетя Лида всё время теперь сидит у нас. Стала частенько оставаться ночевать. И как ей не хочется к себе домой? Впрочем, это меня не касается. Ко мне она не заходит.

Сидят с матерью в зале у телевизора и смотрят бесконечные сериалы. На здоровье!

Живот вырос у меня как-то сразу вдруг. Уже было готово и только ждало своего часа платье-туника и брюки специального покроя, изготовленные в ателье. Не без сомнений надела я всё это однажды на занятия. И – ничего. Только добрее ко мне стали, и девчонки, и преподаватели особенно женского пола. Есть она, всё-таки, женская солидарность даже в наше непростое время!

Восьмого Марта Вика затащила нас к себе – отец им с матерью подарил какой-то необыкновенный трёхэтажный торт, который нужно срочно съесть. Вот ещё одна семья, в которой все любят друг друга! Я чуть-чуть позавидовала именно этому факту, а не их шикарной квартире и обстановке, когда мы все вместе пили чай, а Викин отец называл нас милыми барышнями. Викина мама тоже улыбалась всем без малейшей фальши. Уж это я чувствую сразу! Вот, пожалуйста, Вика – тоже мамина и папина гордость и радость, но приняла этот факт уж очень за чистую монету.

Я начала писать своё первое историческое расследование! Расследовать собираюсь пресловутый женский вопрос в историческом, так сказать, аспекте. Теоретически все права у нас есть – и голосовать, и учиться, и работать. Почему же всё равно остался некоторый налёт второсортности? Кто виноват и что делать? Набираю материалы из Сети, систематизирую, обобщаю. Какое счастье, что есть Интернет!

Ну, вот, явились откуда-то тётка с матерью! Мать намекнула, что я забыла поздравить тётку с днём рождения. Признаю свою ошибку! Исправлю! Недалеко от нас круглосуточный супермаркет. Прямо сейчас и сбегая – торт куплю, а то она терпеть не может, когда её поздравляют «на сухую».

Глава 4. Мои проблемы

Вернувшись домой, первым делом я включил компьютер и вытащил из почты файл с Аниным дневником. Чтобы прочитать – много времени не потребовалось.

«Слёзы напрасных сожалений» – эта дурацкая строчка из жестокого романса вертелась у меня в голове. И правильно передавала самую суть. Кто виноват? Я и виноват!

Знал ли я, что Анята меня любит? Да, знал. А я её любил? Да, любил. Так почему же не говорил ей об этом, чтобы она чувствовала себя уверенной в моих чувствах и в нашем общем будущем!?

Великовозрастный ребёнок, блин! Струсил и не настоял на том, чтобы встретиться и выяснить отношения. Повиниться. Она бы, может, и простила. А как самоотверженно пошла она на то, чтобы сохранить нашего ребёнка! Хотя бы за это ты перед её памятью в неоплатном долгу!

Пока я так себя казнил, на мой мобильник пришёл неизвестный абонент.

– Марк Самуилович Эпштейн, адвокат Бакеевой Фариды Амановны. А вы Колосов Андрей? – спросил он.

– Да. Чем могу? – вежливо ответил я, хотя не испытывал никакого желания ни «служить», ни вообще видеть этого человека. Но... хорошее воспитание, будь оно неладно! Короче, мы договорились через полчаса встретиться в ближнем

скверике.

Я оделся и вышел заранее. Погода по-настоящему весенняя. До листьев ещё дело не дошло, но сияло солнышко, оглушительно пели птицы, и пахло весной. Это была уже третья моя весна за это год. Первые две в Нью-Йорке с интервалом в 7 месяцев, а это уже третья!

Тут подошёл холёный мужчина с папкой. Здороваясь за руку, оглядел меня с головы до ног. И предложил присесть на ближнюю лавочку – надо поговорить.

Осторожно выяснил у меня, что Аня была моей девушкой и что мы расстались. Спросил кто же, по моему мнению, является отцом её ребёнка?

– Знаю точно. Я и являюсь!

– Вот видите, вот видите! – заюлил адвокат. – А она пыталась обвинить уважаемого человека – мужа моей подзащитной. И пошла по пути шантажа. Хотела разбить семью!

– То есть как это? – удивился я, вскочив со скамейки.

– Сначала звонила ей по телефону, потом караулила во дворе. Ну, в конце-концов, бросилась под её машину, но ... – Он мямлил ещё какую-то чушь, но я больше не мог слушать. Я схватил этого профессионального вруна за куртку из мягкой светлой замши и

ударил кулаком в это ненавистное лицо, которое сразу стало жалким, потекла кровь из разбитого носа, но остановиться уже не мог. Ударил его ещё и ещё. Потом опомнился – отпустил куртку. Вытащил свой платок и приложил к его но-

су, из которого кровь текла на подбородок и капала прямо на светлую золотистую замшу.

– Придумайте другую версию, врун несчастный, – предложил я. – А ещё лучше – откажитесь от этого дела. Вам его не выиграть!

– Вы пожалеете об этом, – повторял он как заезженная пластинка.

– Мне не о чем с вами разговаривать! – бросил я ему и удалился.

Пришли за мной ближе к вечеру. И отец, и мама были дома. Позвонили в дверь – открываю – двое в милицейской форме.

– Колосов Андрей Павлович?

– Да.

– Собирайтесь, поедете с нами!

Пока я одевался, успел шепнуть перепуганным родителям:

– Это по Аниному делу. Не волнуйтесь!

В отделении я заявил, что мне полагается звонок. И позвонил следователю, ведущему дело о гибели Ани. Выслушав меня, он пообещал подъехать прямо сейчас. Так что в обезьяннике, где кроме меня находились два изрядно подогретых спиртным гражданина, я просидел меньше двух часов.

Приехавшему следователю я рассказал всё как на духу. Сначала про Анин дневник потом, про версию адвоката,

а в заключение про свой демарш.

– Понимаете, она вовсе не считала своё положение какой-то трагедией. Готовилась к появлению ребёнка, училась увлечённо, деньги у неё тоже имелись. Она была такой правильной, ей и в голову не могло прийти шантажировать кого-либо из-за денег.

А этот врун меня просто спровоцировал! Его оскорбительная версия вывела бы из себя любого нормального мужчину! Если хотите знать, я в первый раз в жизни ударил человека по лицу. Раскаиваюсь, конечно. Не надо было пускаться в ход кулаки!

– Господин адвокат, быстренько сняв побои в травмпункте, написал на тебя заявление о хулиганском нападении. Тебе повезло. Нос у него не сломан. Ладно. Попробую тебя вытащить под подписку о невыезде. Но дело на тебя завели. Так что будь начеку!

Через час, подписав все необходимые бумаги, я вышел из отделения. До дома мне было не так уж далеко – дальше было искать, как добраться.

– Есть всё же на свете хорошие люди! Приехал ночью, помог мне, – я шёл домой пешком, прикидывая, стоит ли рассказывать родителям о побоях адвокату. И решил – стоит! Родители должны знать, что их сын способен и на такую глупость.

Моё недолгое отсутствие и подробный откровенный рассказ странным образом успокоили родителей. Заснул я, как

провалился.

На следующий день у отца снова был выходной. А мама теперь всегда дома. Сама принимает лекарства, назначенные врачом. Я сказал им, что надо дождаться появления Надежды. Тогда мы вместе займёмся разными глобальными финансовыми вопросами. А пока у меня есть деньги, которые я заработал в Нью-Йорке. Я дал им сотню зелёных и сказал – покупайте всё, что нужно, не стесняйтесь. Они отправились на ближний базар покупать продукты. Раньше мама делала это одна, а теперь отец её всегда сопровождает, чтобы она не носила тяжестей.

А я, наконец, начал разбирать свой большущий чемодан, который мне пришлось приобрести в Нью-Йорке. Развесил одежду и разложил обувь. Из Новейшей Эры я забрал свой любимый тёмно-синий костюм типа спортивного и серебристые сандалии, которые сначала показались мне неудобными, но потом я их оценил. Но самое главное – аппаратура для просмотра и диски, которые подарила мне Эни перед самым перемещением. Я всё смонтировал, развернул и укрепил на стене экран. Получилось!

Я смотрел эти кадры не как отвлечённые красивые картинки, а почти как родные места, временно оставленные мною. Больше всего мне понравилась кассета, где Эни снимала мой день рождения, устроенный для меня Мартином. Столько почти родных, приятных мне лиц! Как раз вернулись с базара родители, и я позвал их к себе. Подивившись

американской технике, которой «наша и в подмётки не годится» они посмотрели кассету, где я был главным героем. После просмотра я рассказал им, как в Нью-Йорке я встретился с Эни а, когда были пасхальные каникулы, мы с ней летали в Лас Вегас.

Да-да и были там, где она живёт! Родители сидели с такими потрясёнными лицами. Потом отец попросил прокрутить кассету ещё раз. Я показал им на Мартина – это её второй муж, и на Сандро – это его сын. А остальные – их друзья и знакомые. Я показал ещё им кассету, где мы с Эни катаемся на катере. Снимал на этот раз Мартин. Пейзаж в принципе не очень-то отличался от пейзажей штата Невада.

Не стал я рассказывать только про перемещения во времени. Очень не хотелось напрягать родителей ещё и размышлениями на тему о моей адекватности!

А через два дня поздно вечером позвонила Надежда. Она только что благополучно приземлилась в Пулково, и не позднее, чем завтра нам необходимо встретиться. Утром меня разбудил её звонок.

– Ещё нежишься в постельке, соня? – спросила она дружелюбно. – А я уже четвёртый час на ногах. У меня утро – самое продуктивное время. Так что ты приходи в себя, а я к тебе подъеду.

Я хотел объяснить, как добраться, но Надежда возразила: – Не надо, помню ещё. Я была у вас, но в последний раз –

когда тебе не было и пяти.

Я изумился по поводу того, что ничего не знаю о роли Надежды в моём взрослении, и пригласил:

– Тогда жду!

Вылез из—под одеяла, как взрослый мальчик, и в темпе вальса начал готовится к встрече.

Она добиралась примерно полчаса:

– Я на машине, но сейчас самые пробки!

Поздоровавшись с мамой, Надежда предложила:

– Покажи мне свою комнату!

Я был готов! Комната у меня довольно большая и уютная. И каждый год по нашей семейной традиции в её облик вносились какие-нибудь усовершенствования.

Надежда похвалила интерьер:

– Только места маловато. Ой, а это что за экран?

Попала в самую точку! Я включил оставшуюся с того дня кассету, где мы с Эни на катере. Когда экран погас, Надежда спросила:

– Это было там, в Новейшей Эре? – Мне сразу стало легко и радостно. Эни всё рассказала, а она – какая молодец – поверила! Теперь у меня есть «сообщница» в нашем мире, которой я могу говорить всё.

– Я очень рад, что Эни рассказала, а вы – поверили, – от избытка чувств я поцеловал её в щёку. – Теперь у меня здесь есть ещё один близкий человек! – вспомнив, про Анюту, я чуть не разрыдался. Она сразу почувствовала неладное:

– Рассказывай всё и подробно!

Когда я закончил свой рассказ, она долго молчала.

– Поневоле поверишь в происки высших сил! Такая светлая, земная девочка, и такая нелепая трагическая случайность. Так ты, получается, под подпиской о невыезде?

Она записала фамилию, имя и отчество адвоката:

– Им я займусь прямо сейчас! Теперь давай обсудим финансовый вопрос.

Я рассказал ей о нашем семейном совете, где я предложил купить дом в пригороде.

– Для родителей, да и для меня это будет наилучший вариант. Мама будет оформлять пенсию, а отец работает сутки через трое. А я на машине доберусь до места работы если что! Я планирую также забрать девочку, которую родила Аня.

– Тут тебе тоже понадобится помощь адвоката. У меня есть свой. Я считаю, что лучше платить какому-то надёжному человеку небольшую зарплату, чем периодически отстёгивать бешеные гонорары. Хорошо! Я всё поняла. Загородный дом, счёт в банке, машина, собственный адвокат – прямо сейчас и займусь всеми аксессуарами для начинающего миллионера!

И она умчалась, хотя я приглашал хотя бы выпить вместе кофе.

– Успеем! Мне надо попасть во все конторы до обеденного перерыва! После обеда они расслабятся, и толку ни от кого

не добьёшься!

Весь день я получал по мобильнику от Надежды маленькие отчёты о проделанной работе. У Бакеевой уже новый адвокат, а мой «знакомый» – добровольно забрал своё заявление. Так что дело закрыто! Уточнив рабочий график отца, Надежда предложила:

– Тогда на завтра не планируйте других дел. Утром – банк, а во второй половине дня поедем посмотреть выставленные на продажу дома.

В банке с нами разговаривали очень любезно. Нашим делом занимался специально выделенный менеджер, а мы сидели в удобных креслах в красивой небольшой комнате.

– Выходит мы VIP клиенты? – шепнул мне отец. Я пожал плечами. Для меня всё это точно также внове. После оформления счёта, открыли кредитные карточки.

Надежда настаивала, чтобы оформить их и на маму, и на отца, но мама отказалась категорически.

Отца мы уговорили. Всё равно мне придется, и уезжать куда-то и вообще – это так удобно!

Сразу же заехали в магазин и купили мобильники обоим. Это такая вещь – нужно чтобы владелец сам подержал её в руках, почитал цифры – всё должно быть удобно. Я обещал научить их пользоваться всеми функциями. Обедали в этот раз вне дома.

Еда родителям понравилась, а вот цены сильно возмутили. Я успокоил их, что сегодня – особенный день. И этот

обед в ресторане – в виде исключения. После обеда мы сели в машину Надежды и поехали за город. В условленном месте нас дождался агент по недвижимости. Им оказался молодой приветливый мужчина в кашемировом пальто, приехавший на красивой новенькой машине. Он показал нам два загородных дома.

В принципе – оба понравились. И не совсем понятно было – какой из них лучше. Когда я сказал об этом Надежде – она посоветовала мне не торопиться, а посмотреть и другие варианты.

– Дом покупают раз или два раза в жизни и надо подойти к этому серьёзно. Занеси все сведения в компьютер и отметь для себя и минусы, и плюсы каждого варианта. Я буду присылать к вам и других агентов по недвижимости. Поработай со всеми! Они обычно возят клиентов на своих машинах. Но тебе тоже следует присмотреться к транспортным средствам. Можно купить пока что-то попроще – чтобы не было мучительно больно! Лично я – стукнула две машины, пока научилась.

Я был со всем согласен, но молчал, чтобы не отвлекать её от дороги.

После небольшой паузы она спросила у отца:

– Павел Николаевич, а вы водите машину? – спросила она у отца.

– Водил когда-то армейский джип и бронетранспортёр.

– Придётся и вам заняться этим вопросом вплотную. Вос-

становить права и всё такое. За городом без машины – невозможно. И одной машины вам будет в любом случае мало.

Надежда отвезла нас домой и, пожелав хорошего отдыха, уехала.

Дома за ужином беседа как-то не клеилась. Я спросил прямо:

– Как вам денёк?

– Ты знаешь, сынок, для нас это всё непривычно и даже страшновато. Как мы будем жить за городом? Ни магазинов, ни соседей. И поликлиника далеко. – Мама что-то совсем приуныла.

– Эта квартира тоже останется. А дом будет у нас, пока мы не устроимся полностью, как дача. Тем более если с нами будет жить девочка. Ребёнку нужен воздух!

– Сынок мы ничего не имеем против твоей дочки, но маме нельзя поднимать ничего тяжёлого после операции, – отец смотрел на меня виноватыми глазами.

– За это не волнуйтесь! В первую очередь будем думать о вашем здоровье. Наймём няню, если надо.

Я ушёл в свою комнату и занялся парижскими кассетами. Мне очень хотелось подготовить наш визит в «Улей» и показать его Надежде.

А когда я вышел к ужину, то нашёл родителей совсем в другом настроении. Они улыбались друг другу нежно и расслабленно и мечтали о маленькой девочке. С моим появлением разговор принял другой оборот: в который раз я

послушал, каким был замечательным ребёнком: умным, красивым, ласковым и забавным.

– Да ты и сейчас для нас такой же! – Заявили мои родители.

Глава 5. Отступление №2

Родители довольны своим сыном. Чему удивляться? Это вполне естественно. Значит, сделали хорошо свою главную в жизни работу. Доволен ли я? Пусть об этом судят другие.

Большинство детских воспоминаний, связанных с родителями, у меня очень позитивные. Меня оберегали, мной занимались, да что там говорить, просто баловали. Видимо у них, моих дорогих Лины и Павла, не просто большое желание, но и талант к воспитанию.

А грустные мои детские воспоминания – разные потери и расставания с друзьями.

Мой друг с детского сада Славик. С ним нас случайно записали в разные классы: меня – в 1-ый «А», а его в «Б». После наших горьких рыданий – оплошность, не без труда, была исправлена. Совместные дороги в школу и из школы – мы жили в одном доме, но в разных подъездах, взаимопомощь при выполнении заданий, обязательные приглашения на день рождения друга, первые полудетские мечты о будущем. Наши родители тоже подружились. Даже один раз ездили отдыхать все вместе на море в Крым.

Увы! Счастье продлилось недолго. Когда мы учились в пятом классе, папу Славика избрали депутатом, и он с родителями переехал в Москву. Предполагалось, что они вернутся через 4 года, но они там так и остались – отца пригласили

на какую-то важную работу. Такого близкого друга у меня больше не было. Я пытался разыскать его в Москве, уже, будучи взрослым, но, оказалось, что он учится в Англии.

Мой папа хотел, чтобы я серьёзно занимался спортом. Но ни футбол, ни хоккей мне не подошли. Вернее, это я им не подошёл. Оказывается, у меня напрочь отсутствует агрессивность и «воля к победе».

– Раз так – будем учить ребёнка танцам, – предложила мама.

И это было то, что надо! За три года занятий, на которые я ходил с большой охотой, я сделал большие успехи. У меня уже была постоянная партнёрша – Катрин, как она сама себя называла. Она была старше меня на год и обращалась со мной немного покровительственно. Но, когда мне исполнилось 14, я за одно лето так вырос и возмужал, что Катрин стала относиться ко мне очень серьёзно. Теперь мы встречались и помимо занятий. Ходили в кино и на каток. Даже целовались один раз в тёмном подъезде. Но... родители Катрин и она с ними эмигрировали в Штаты. От огорчения я даже бросил бальные танцы, хотя мне предлагали другую партнёршу. Примерно год мы даже писали друг другу. Не помню, кто из нас первый не ответил на письмо.

Ещё один дружочек появился у меня, когда я учился в школе последний год. Оценки у меня были всегда хорошие, экзаменов я не боялся, поэтому в последний год я стал посещать вновь открывшуюся школу Хип-Хоп. Научился

танцевать и в этом стиле. Показывал движения там смуглый темноволосый паренёк, которого все звали Патрик. Он сразу почувствовал, что я имею некоторую танцевальную подготовку и через месяц-другой мы вдвоём стали «демонстраторами» – показывали остальным как надо выполнять танцевальные па.

Мы с ним смотрелись как две противоположности – смуглый живчик Патрик с серьгой в ухе и я, выросший к тому времени до своих метр восьмидесяти и отпустивший копну волнистых светлых волос. Но, оказалось, что у нас много общего. А, самое главное, мы оба мечтали о дальних странах. Я и раньше собирал всё, что мне попадалось о знаменитых путешественниках прошлого. Больше всего мне нравилось читать об эпохе великих географических открытий. А он многое знал о тех, кто путешествует в наше время. Теперь мы общались и вне студии, но домой я его так и не привёл. Вид у него был уж очень экзотический, да и непарламентские выражения слетали с его губ с лёгкостью необыкновенной. Не стал травмировать родителей. Они могли не понять. Патрик мечтал добраться до Франции и наняться в Иностранный Легион. Но... избежать военной службы в России ему не удалось. Когда его «забрили», переписка у нас прервалась, не успев толком начаться.

Прямо напасть на меня какая-то! Стоило мне начать с кем-нибудь дружить, как мой друг уезжал далеко и насовсем!

Уехал даже мой сосед – Виталья, как его все звали. Вернулся к отцу в Молдавию. Там для него появилась возможность получить высшее образование в Румынии за счёт какой-то гуманитарной программы.

А мне куда поступать? Это была та ещё проблема. Торопиться мне, правда, было некуда.

Армия не грозила, как я уже объяснял, параметры моего организма не соответствовали понятию «годен к строевой». Теперь-то мне понятно и почему. Ну, и хорошо. Военное дело – это уж точно не моё!

Так куда же? В университет на географический, – решил я. Уже сдав уже документы, я их перекинул на исторический. Поступил, сдав всё на «отлично». И ушёл после первого семестра. Со второго года обучения начинается педагогическая практика в школе. Никаких путешественников прошлого и настоящего даже близко нет.

Те полгода я проработал «демонстратором» всё в той же Школе Хип-Хоп. Платили мало и нерегулярно. Тут на мой 18-ый день рождения прилетела Эни и подарила мне поездку в Англию. Это было здорово! Подробности я уже излагал раньше. И вот, когда мы были в Англии, позвонила Илона Вольская, мамин литературный агент, и сообщила ей, что приходили странные люди и очень интересовались книгой. Эни вызвала в Лондон Надежду, и я прилетел в Питер с ней. Побоялась посадить в самолёт и отправить одного 18-летнего ребёнка!

Это они и сделали из меня великовозрастное дитя – мама и Лина с Павлом. Перестраховщики блин!

А ещё я умудрился «соблюсти невинность» до 19-ти лет. Потерял я её, когда уже работал в торговом центре. Кладовщица, которая взяла меня в оборот и просветила, долго потом отпускала шуточки по этому поводу. Привела немного в чувство Анюта. Да и перемещение в Новейшую Эру сыграло свою роль.

Но это «лирическое» отступление. Итак, после поездки в Англию я уверился, что история географических открытий и есть моя стезя. Причём в русской истории в этой области даже больше белых пятен, чем в испанской, например. Имя Христофора Колумба, например, носят все главные улицы или площади во всех испаноязычных столицах. А русские первопроходцы и исследователи Сибири и Арктики вовсе не являются нашими национальными героями.

Вы будете смеяться, – я снова поступил в Университет. Тем более, что открылся историко-архивный факультет. Это звучало уже лучше. Намекало на работу с первоисточниками. Но... нас сводили в архив на экскурсию, в который и распределялось большинство выпускников.

Мне там совершенно не понравилось. Теперь я знал точно, что ни работать в школе учителем истории, ни похоронить себя заживо в архиве я не хочу. Зарплаты, к тому же, и там, и здесь платили просто смехотворные. А где же учат настоящих исследователей, организовывающих экспедиции

в разные интересные места? Я устроился работать в торговый центр и решил, что летом поеду работать в археологическую экспедицию.

Увы! Туда, куда я хотел, был необходим разговорный английский. Тесты я не прошёл, хотя по английскому у меня в аттестате пятёрка! Я решил попробовать ещё на следующее лето. Теперь почти половину своей зарплаты я отдавал за частные уроки английского. Родители меня всячески поддерживали, не настаивая, чтобы я вносил деньги «на хозяйство».

А однажды, душевной июльской ночью, я вскрыл непонятное письмо, почти год болтавшееся у меня в компьютере. Дальнейшее вам известно.

Через пару дней я позвонил Надежде, что хотел бы встретиться на моей территории. И что у меня есть для неё сюрприз. Из съёмок, которые мы с Эни сделали в «Улье» я смонтировал небольшой фильм, который комментировал голос за кадром. Мой, сами понимаете, голос.

Над текстом я работал целый день. Мне хотелось, чтобы это был достаточно эмоциональный, но без излишнего сюсюканья комментарий. И юмор какой-то минимальный присутствовал.

Надежда приехала после пяти. Я сразу поставил ей смонтированный мной фильм, убедившись заранее, что ей известно про этот «Улей». Фильм поразил её.

– Ты знаешь, поражает старая картинка, снятая новейшей камерой. Старые плёнки передают всё каким-то линялым. А судорожные движения чего стоят! А тут – абсолютная чёткость деталей, а цвета – мы даже никто и не видели этих реальных цветов.

– Мне интересен и сам предмет, конечно. – Продолжала она. – У тебя есть функция остановки?

И мы смотрели ещё и ещё раз, останавливаясь там, где она хотела. Кроме Амедео она узнала троих художников.

– Вы были чуть-чуть рано. Не пройдёт и года, как в «Улье» появятся Сутин и Шагал.

За ранние картины этих русских евреев любой американский музей выложит кучу зелени.

Моя диссертация как раз об этом периоде.

Я рассказал ей, что у меня есть материал ещё как минимум на один фильм. И показал эскизы Амедео, которые он подарил мне.

– Ты знаешь, сколько может стоить один такой эскиз? Тем более если на нём всем известные личности? Свой портрет оставь себе на память, а эти я предлагаю продать.

А фильм твой надо показать специалисту по компьютерному дизайну.

Она подумала немного, просматривая записи в своём мобильнике.

– И... есть у меня такой! Вернулся в Питер из Варшавы Вовчик! Теперь уважаемый Владимир Алексеевич — техни-

ческий директор «ООО». Да ты его вспомнишь сейчас! Вы, вместе ездили в Краков к Илонке в гости.

– Прекрасно помню. Здоровенный дядя в очках. Так он ваш сосед?

– Да, именно поэтому мы и познакомились. Он женился на Барбаре – дочери Илонки. И у них недавно родились близнецы – двое сыновей. Они живут двумя этажами выше меня. Илонка тоже гостит у них. Молодым же надо помочь поднять малышей. Я предлагаю тебе прямо сейчас посетить Вовчика и пригласить его всё это посмотреть. Если можно будет сымитировать этот свет и цвет – это будет новое слово! Вам и просто стоит пообщаться.

У него идей – хватит на пятерых. Может быть, и придумаете что-то своё. Тем более что деньги для начала у тебя есть.

Начало вечера я провёл в дружной семье Стрижовых-Вольских. Малышам по полтора

года. Вацлав и Иван начинают говорить, общаться друг с другом, активно познавать мир.

Бася, которая и в детстве была красавицей, (я видел фотографии) теперь выглядела так, что могла бы сыграть на сцене, например, Елену Прекрасную, и никто бы не усомнился, что из-за неё могла разразиться Троянская война. Илонка тоже смотрелась цветущей и довольной жизнью. Но... если их поставить рядом с Эни, и она и Надежда выглядят старше на 10—15 лет. Ну, да моя мама «проходила» примерно один

год за два, когда сопровождала игроков.

Квартира у родителей Володи такая же, как у Надежды: четыре комнаты, широкие коридоры, большие подсобные помещения. Получил её ещё до войны Володин дед. Благодаря этому обстоятельству все поместились и даже не поссорились.

Дед Алексей активно пасёт близнецов, заменяя Басю с Илонкой. А они помогают на кухне бабушке Рае – матери Володи.

– У меня непрерывная горячая смена! – Шутливо пожаловалась она. После обеда сразу начинаю готовить ужин.

Ужинать мы с Володей спустились к Надежде. Курьер известного в центре ресторана явился через полчаса, после её звонка. Стол на троих мы накрыли сами, а появившийся пожилой армянин-официант, разложил всё, даже открыл бутылку вина и удалился, пожелав нам прекрасно провести вечер. Когда было покончено с едой, мы перешли в гостиную.

Квартира вроде была вроде та же, но выглядела совсем по-иному. В первую очередь из-за элегантной пустоты, которая украшает порой больше, чем самая красивая мебель.

Когда я сказал об этом хозяйке, она грустно улыбнулась:

– Это получилось само-собой. Я всего лишь реализовала свой принцип – не стоит хранить ненужные вещи: предметы быта, которые уже не используются, одежду и обувь, которую уже никто никогда не наденет, книги, которые не стоит перечитывать. За год я от всего избавилась. Что-то про-

дала, но в основном раздала или выбросила. Иногда это было очень непросто! Зато теперь наслаждаюсь этой пустотой в гордом одиночестве! – Засмеялась Надежда.

Поощряемые её репликами, мы с Володей быстро перешли к теме, которая интересовала нас обоих. Эта самая тема. «что бы такое придумать, чтобы и прибыль была, и удовольствие получать от самого процесса» интересует сейчас большинство соотечественников. Но сразу перейти к ней как-то не «комильфо». В конце концов, перешли. Дофантазировались мы в тот вечер до гостиницы – развлекательного центра и замка с привидениями в одном флаконе. Я пригласил Володю к себе на просмотр моего фильма и заказал такси.

Глава 6. Надежда

Аронина. Отступление №3

Проводив Андрея и Володю, я быстро приступила к своим процедурам, которые проделывала каждый день перед сном. В 23—00 я должна быть в постельке, чтобы утром хорошо выглядеть и отлично чувствовать себя целый день. Но быстро заснуть на этот раз не получилось. Мысли упорно возвращались к полученной от Эни информации, а мозг сопоставлял и анализировал всё произошедшее со дня последней нашей встречи.

– Это судьба! – говорит иногда Эни. Или:

– Наверное, не судьба!

Я-то нашла свою «судьбу» под отмеченным не опавшими каким-то чудом красными ягодами кустом. С тех пор моя жизненная линия, попавшая было в безнадёжный тупик, круто повернула в другую сторону.

– Так распорядилась судьба! – сделала вывод Эни, обнаружив себя в другой стране в окружении чужих людей. Ну, что же – может быть, может быть.

Поторговав три года обувью из Кракова и защитив диссертацию, я решила тогда заняться картинами. И успела одной из первых. Этого хватало на благополучную жизнь, учитывая, что прибыли и убытки мы с Эни делили пополам.

Но каждый галерист мечтает найти (или реальнее, что кто-то найдёт и принесёт) неизвестный подлинник одного из великих. Мечтать себе не запретишь!

Эни сначала пропала на долгих три года, а потом стала появляться три-четыре раза в год. Привозила на продажу довольно ценные картины. С ними была всё та же странность – подлинность сомнений не вызывает, предыстория отсутствует, а сохранность такая, что эксперты, порой, отказывались давать заключение, бормоча что-то вроде:

– Этого не может быть, потому что не может быть никогда!

Теперь, чтобы никого не изумлять, я сдавала их все на состаривание одному знакомому художнику. Вот теперь экспертиза проходила на ура!

Постепенно увеличиваясь, моя коллекция, приобретала индивидуальные черты. Появились постоянные клиенты. Один из них и вывел меня на аукционы. Супер барышей, правда, это поначалу не принесло, но теперь я практически каждый месяц бывала в Европе – Лондон, Париж – пригодились два языка, которые я учила ещё в мои времена языковой спецшколы. Читала я и раньше, а теперь пришли и разговорные – английский и французский.

Отношения с Эни оставались, как бы это помягче выразиться, непростыми.

Конечно. Не только я её, но и она меня спасла в тот год, когда родился Андрей. А через 4 года она привезла новейшее лекарство, поставившее за полгода на ноги моего Иго-

ря. Врачи сказали – это чудо. Восстановилась даже мужская функция. Без комментариев, так сказать. Казалось, вот оно, счастье!

Он рвался сходить в горы в последний раз. Звал и меня. Но... не помню, что мне тогда помешало. С Алтая Игорь не вернулся. Прислал письмо – примерный смысл которого – наши отношения себя исчерпали. Я была просто убита этим его поступком. Женились мы, ещё учась в институте по большой любви. И, когда он сломался, я ухаживала за ним лежащим больше шести лет.

Ещё через год приходит мне сообщение – Игорь погиб в горах. Я сразу поехала на то место, которое было указано в официальном сообщении. Мне показали его могилу. Он работал весь этот год проводником и жил с женщиной, на которую я даже сходила посмотреть.

– Нет, не с ней он остался, чтобы не вернуться ко мне. А просто живёт она в хорошем месте – с видом на горы.

Так я себя успокаивала, когда летела назад в Питер. Но жуткой депрессии избежать не удалось. Пришлось даже прибегнуть к помощи медицины. Как раз тогда появилась Эни. Жила она теперь у Колосовых, но, выслушав мою невестёлую историю, проводила много времени и со мной. Я ей прозрачно намекнула, что хочу сменить обстановку, что давно мечтаю увидеть Америку. Тщетно. Приглашения я так и не получила, хотя было заметно, что она огорчена не меньше меня. А когда я ей задала прямой вопрос – она что-то

такое соврала, путаясь в деталях, что я прекратила все разговоры на эту тему.

А потом судьба сжалилась и помогла преодолеть мне комплекс хронической неудачницы.

Ту картину выставили в непрофильной комиссионке за какую-то смешную цену. Как сейчас помню – полноразмерный триптих в стиле Босха. Сюжет – библейский. «Благовещение». И маленькие, сопутствующие сюжетики: детство пресвятой девы. Голубь реальный – в виде птицы, и в виде прекрасного создания – посланца небес – в хрустальной дымке. Даже предчувствие своей судьбы – и враждебная толпа, и крест. И некто, наблюдающий всё это с небес. Причём исполнено всё твёрдой рукой профессионала, то скупулёзно прорисовывающего мельчайшие детали, то несколькими точными штрихами завершающего замысел. Фамилия художника мне ничего не сказала. Подпись так могла выглядеть, при желании, чья угодно.

Я тут же купила триптих. И вызвала такси, чтобы доставить домой своё сокровище. Отменив встречу, остаток дня занималась картиной. Экспертиза подтвердила моё подозрение – конец 20 века. Художник такой неизвестен, но есть подражательные мотивы. И великие мастера, вдохновившие автора.

Я кинулась в комиссионку. Получив за небольшую мзду координаты сдатчика, звоню по горячим следам. Моложавый толстячок, обладатель небольшого авторемонтного сервиса,

получил эту картину в придачу к квартире, завещанной ему тёткой. «Вместе с разной старой рухлядью» – именно так выразился наследник. Были ли там другие картины – не знает.

– Может быть, они и сейчас там, – всё, что я смогла из него выдать.

Едем сначала за ключом к закромам, а потом и на место. Я откровенно объяснила ему, что владею небольшой художественной галереей. И картины неизвестных художников меня интересуют тоже. В квартире всё было уже рассортировано – самая большая куча, как объяснил мне мой спутник, предназначалась на помойку. В этой куче я и нашла ещё одну картину того же автора. Она была без рамы и порвана, но это не так важно. Отдав за неё почти столько же, как за «Благовещение» я получила впридачу адрес младшей сестры усопшей, с которой у той были весьма неприязненные отношения.

– Я уж и не знаю, из-за чего они поссорились. Я, как единственный и неповторимый племянник, навещал обеих. Причём каждая расспрашивала про сестру, но не могла сделать первый шаг. Странные вы всё-таки, женщины!

Он любезно позвонил Анне Семёновне, и я поехала в пригород, купив торт, коробку конфет и бутылку кагора. Предупреждённая племянником старушка, встретила меня, как родную. Не знаю, сколько длилось наше чаепитие, но кроме подробной информации о непростых взаимоотношениях сестёр я получила главное – координаты места, где творил муж

её недавно умершей старшей сестры.

Утром следующего дня я поехала по тому адресу. И успела как раз вовремя – старый дом разбирали на дрова.

Я спросила про картины у женщины, промышлявшей по части старой утвари, и она мне призналась, что они уже у неё. Мы пошли в старый сарайчик. Я даже помогла ей донести какие-то сковородки, и она почти бесплатно отдала мне завёрнутые в старую рогожу картины.

Я даже не стала их там распаковывать! Даже не сомневалась – они!

Да, это были они – ещё 23 картины неизвестного художника, русского Босха, канувшего в вечность. На библейские сюжеты было ещё два полотна. Остальные – русская история. Причём каждую картину можно было рассматривать часами – довольно впечатляющих размеров полотна были записаны плотно и с большим количеством мелких деталей. Я просто влюбилась в картины этого А. Смирнова. И произошло это как раз в правильное время – депрессия прошла без следа.

Полгода картины находились в моей квартире. Я заказала рамы, отдала часть полотен на реставрацию. Сделала каталог.

Наступил день, когда я перевезла их в галерею, оставив себе только «Благовещение». Поместив их в максимально хорошие места, я сразу стала получать комплименты посетителей. Но... никто ничего не купил. Покупатель объявился

через полгода. Он был родом почти из того же места, что и Босх. И хотел взять все оптом.

Ещё месяц мы торговались. И сошлись, наконец. Он получил 24 картины А. Смирнова неизвестного доселе русского Босха за 11 миллионов зелёных. Я решила, что мне хватит!

Теперь я была по-настоящему богата. И эти деньги я заработала, используя только свои знания. Конечно, госпожа удача, тоже сыграла свою роль.

Загородный дом я покупать не стала. Мне вполне достаточно огромной квартиры в центре города, её я и буду совершенствовать. А что-нибудь с видом на море или горы куплю в более тёплом и приятном климате.

Прошло ещё несколько лет. И вот когда мне исполнилось уже 45, на одной из выставок я встретила Арама. Мне понравились его пейзажи не лишённые мысли и сработанные достаточно профессионально. Нас представили друг другу.

Ох, это был тот самый тип мужской красоты, на который я всегда западала, и буду западать!

Тогда ему было немного за тридцать. И, как говорится, ни кола, ни двора. Сын грузинки и армянина переехал в Питер, оставив в Ереване жену и сына. Ухаживал за мной он где-то месяц.

Интуиция не обманула охотника. Птичка попалась! Я не скажу, что такая уж праведница. Были у меня интрижки. И когда Игорь был жив – были. Но всё это несерьёзно. Так, больше для здоровья. В таких случаях партнёры ясно пони-

мают, чего они хотят друг от друга. И это правильно. В случае с Арамом ответ предполагался явно асимметричный.

Для чего такому мужчине женщина моего возраста, но при деньгах и со связями?

Тем не менее, мы «встречаемся» уже больше пяти лет. Арам – первый мужчина, которого я привела в свою квартиру. Мы даже жили некоторое время вместе в Питере.

Но как раз тогда я купила небольшой домик на Французской Ривьере. И теперь Арам постоянно живёт там. Он работает. Картины его по нашему устному договору наполовину принадлежат мне. Я частенько его навещаю и, бывает, провожу там одну или две недели, когда в Питере холодная слякотная зима. В Ницце у меня тоже галерея. А в Лондон и Нью-Йорк я езжу на все интересные аукционы. Жизнь удалась? Грех жаловаться.

Но долгое время в моём сердце не заживала рана – Эни, которая не пустила меня в свою жизнь. Предпочитала выдумывать всякие небылицы, но не дала мне возможности увидеть её дом. И вот теперь я узнала эту тайну. Теперь всё сходится!

Эни сначала исчезла на два с лишним года. А прилетев после этого в Питер, обнаружила, что Андрей в Нью-Йорке. Она тогда ночевала две ночи у меня. И мы говорили обо всём достаточно подробно и откровенно, как мне показалось. Она сообщила мне, что ошиблась, послав зашифрованное письмо на электронный адрес Андрея, а он, тем не менее, открыл

его и прочитал. И теперь он знает, что она – Эни – его настоящая мать. И предупредила меня, чтобы я была готова – она, быстрее всего, заберёт часть прибыли, предназначенную Андрею. Примерно через полтора месяца – звонок. Эни с Андреем встретились в Нью-Йорке, и она хотела бы меня срочно увидеть.

– Есть дело на миллион! – я приложила максимум усилий и прилетела. Оказалось, что Андрей улетает в Питер в этот же день. А мы с Эни летим в Лас Вегас. У неё новый проект – надо открыть полноразмерный антикварный магазин в Вегасе. С пополнением товарных запасов проблем не будет. Я была уже в Нью-Йорке, а вот в Вегасе оказалась в первый раз. Но она попросила меня – я улетаю через два дня, а ты – остаёшься. Разведает всё сама, заодно и развлечётся.

И рассказала мне всё. Мы провели оба дня в её номере, и она подробно отвечала на все мои вопросы.

– Ты получишь доказательства! – пообещала мне Эни. Я провожала её до самого старта. Видела и бункер, и кресла пилотов и пассажиров, и специальное кресло для раненых, в котором перемещался Андрей.

– Ты мне поверила?

– Да, конечно.

– Я предупредила Андрея, что намерена открыть тебе правду. Я это сделала и для него.

Мы обнялись, и я поднялась на поверхность на маленьком

лифте. Дождавшееся меня такси отвезло меня в Вегас. Номер Эни за ней постоянно, поэтому я без проблем провела там ещё три ночи. Конечно, мне понравился Вегас – настоящий Диснейленд для взрослых. Но его чудеса померкли перед той информацией, которая обрушилась на мою голову.

Глава 7. Мои дела и Лола Хамидовна

Надежда с Володей приехали ко мне вечером следующего дня. Я прокрутил ему фильм, и он сказал, что проблем не будет. Он сделает программу, и я смогу снимать виды Питера, и они будут выглядеть примерно так же. Он даже сможет заняться этим прямо завтра, но ему бы желательно иметь копию.

– Скачай мне всё на мою флэшку, – попросил он.

– А вот это не так просто, – подумал я. Вслух же я сказал, что аппаратуру мне подарила Эни, когда я гостил у неё в Америке. И я пока не во всём разобрался.

– Сейчас вместе и разберёмся, – жизнерадостно пообещал Володя.

Он быстро нашёл функцию копирования, но его флэшка туда не подошла. Нехорошо выразившись по поводу бессовестных сепаратистов, он начал разбираться дальше.

– Техника, конечно, класс, – заключил он. – Но самый главный блок так запаян, что при разборке можно только всё поломать. Он, было, погрузился, но ненадолго:

– Ни фига! Русские не сдаются! – Объявил мастер и принялся за работу.

Он ковырялся часа два, но нашёл способ подсоединить ви-

деоаппаратуру к моему компьютеру. И когда на экране компьютера пошли кадры фильма, мы с Надеждой прокричали ему троекратное ура.

– Сделал всё я, конечно, на соплях, да и компьютер твой, не обижайся, устарел года три назад. Но теперь без проблем я всё себе перекачаю.

На ужин мама покормила нас рукодельными пельменями. Отец попросил у Володи совета по поводу машины. Утром он проехался по автосалонам, чтобы найти для нас что-то надёжное, достаточно просторное и не очень дорогое. Володя ответил, что не чувствует себя специалистом в этой области. А вот его отец – другое дело! Для него машины это и профессия, и хобби! В результате было получено приглашение подъехать и познакомиться.

Прошло ещё две недели. Я сдал тест ДНК на отцовство, результаты обещали не раньше, чем через месяц. Под чутким руководством Алексея, отца Володи мы купили бэушную БМВуху и тренировались по очереди с отцом. По его же совету записались на курсы экстремального вождения. Это для тех, кто умеет водить, но хочет совершенствоваться.

Повезло нам, что разные гадости типа гололёда и осадков в идее дождя и мокрого снега закончились – весна окончательно вступила в свои права.

Регулярно мы ездили смотреть варианты по поводу покупки загородного дома. Я вносил все их по моей схеме в компьютер. Надежда попросила без неё решение не прини-

мать. Сама она улетела во Францию. У неё там галерея и дача на Ривьере.

И вот, когда очередной агент по недвижимости показывал нам с отцом ещё один вариант загородного дома, я обратил внимание на 3-х этажное странного вида кирпичное здание. Я, обнадёжив агента, что дом мне очень понравился, спросил его об объектах, расположенных по соседству и какие есть возможности, чтобы добраться сюда без машины. Поблизости оказалась остановка электрички, мы даже услышали прибытие и убытие одной из них. И пешего хода до неё оказалось минут 20. А вот по поводу сооружения из красного кирпича агент ничего не знал. Мы договорились, что он всё разузнает и перезвонит.

В это же вечер он сообщил, что это давно неработающее предприятие по изготовлению конной упряжи. Построено это здание ещё в 19 веке. И оно тоже выставлено на продажу.

Я тут же начал звонить Володе. Он, кстати, переоценил свои возможности. Вернее, со временем у него всё-таки большая напряжёнка, и программа была не готова. Предупредив его оправдания, я спросил, не передумал ли он по поводу развлекательного центра с привидениями. И доложил:

– Мне кажется, я нашёл подходящее помещение!

В ближайшее воскресенье мы поехали туда одни. Может быть, повлияла весенняя погода, но это место, обрамлённое свежей зеленью, очаровало нас обоих. В здание мы проникли без усилий. Нигде не было никаких замков. Даже двери

были далеко не везде. Для наших целей годились и просторные помещения цехов, и запутанные коридоры, и маленькие комнатки бытовок и причудливо разгороженные складские помещения. Мы долго ходили по выщёрбленным, но целым лестницам и тёмным пыльным коридорам и размышляли о том, что здесь было, и что здесь можно сделать, имея в виду нашу идею.

Посмотрели и загородный дом. Основной его недостаток – величина. Для нашей семьи он был явно велик. Видимо в связи с этим, стоил он столько же, сколько более обустроенные дома, которые мы смотрели раньше. Зато участок был тоже огромный. На его задах имелась даже что-то вроде лесопарковой зоны, которая выходила, в конце-концов, прямо к заливу.

Да! Тут есть, где погулять и порезвиться, и детям, и взрослым.

Пока ехали назад, Володю осенило:

– Послушай, Андрей! Мы запланировали снять летом дачу. Почему же мы не можем арендовать её у тебя?

И мы начали фантазировать, как здорово будет объединить наших родителей и детей!

Через два дня вернулась Надежда, и мы начали действовать.

Старинное кирпичное здание седельной фабрики, не работавшей больше 20 лет, стоило почти столько же, сколько загородный дом. Купить его можно было запросто.

– А вы прикинули, сколько надо средств, чтобы привести всё это в нормальное состояние? – спросила меня Надежда. Я ей ответил:

– В том и фишка нашей идеи, что развлекательный центр с привидениями не предполагает шикарных интерьеров и евроремонт не понадобится.

– Понадобятся цивилизные удобства и элементарные условия для, того, чтобы, например, разогревать еду. Ресторанов в округе нет, и вам в любом случае придётся кормить гостей ужином.

Но пути назад уже не было. Мы даже слышать не хотели никаких возражений.

Надежда, съездив с нами и увидев всё своими глазами, тоже впечатлилась, и дело пошло.

Одновременно с оформлением обеих сделок, мы с Володи́ей подготовили наши предложения в виде эскиз-проекта. А наши отцы, согласовав детали с женщинами, составили план срочного благоустройства нашего дома.

Он стал по-настоящему нашим ещё через две недели! С фабрикой оказалось сложнее. Оказывается, к этому зданию имеет отношение ведомство по охране памятников архитектуры. Оно спокойно может годами необратимо разрушаться, но, если ты его купил – должен сохранить его функцию. Чушь какая-то!

Надежда, попытавшись нас отговорить, резюмировала этот прискорбный факт примерно так:

– Всё это возможно обойти, но сильно увеличится цена здания за счёт квалификации юристов, которые будут распутывать эти узлы.

Узлы распутали ещё через два месяца. За это время наш дом приобрёл вполне жилой вид. Как раз наступило самое настоящее лето с белыми ночами. Самое время пожить на природе.

Дом перестроили, чтобы половину сдавать внаём. Тем более что первые наши «квартиранты» с нетерпением дожидались такой возможности.

Экспертиза подтвердила моё отцовство с огромной вероятностью. Оставалось зарегистрировать девочку и можно забирать. На регистрации присутствовал и Фёдор Николаевич отец Анюты. Ему было приятно, что девочку назвали Анной в честь матери.

Да, суда над Фаридой Бакеевой так ещё и не было. В связи с плохим самочувствием обвиняемой. Я, конечно, подозревал, что просто так эти справки не получишь. Стал проявлять активность новый адвокат этой дамочки. Его линия защиты заключалась в том, что Аня бросилась под машину Фариды, чтобы покончить жизнь самоубийством.

Когда он разговаривал со мной и осторожно пытался внушить мне, что, мол, никто не знает, что же было у неё в го-

лове, но это – не исключено. Адвокат в этот раз был уж такой уважительный с вкрадчивым приятным тембром голоса. Я ответил ему, что это – исключено и дал ему распечатку Аниного дневника, где последнюю запись она сделала за четверть часа до аварии.

А вечером у подъезда меня караулила пожилая дама с двумя детьми. Они сидели на лавочке.

– Колосов Андрей? – спросила дама. Она выглядела именно как пожилая дама: тщательная укладка, аккуратный макияж, элегантный светлый костюм. Я остановился.

– Я мать Фариды Бакеевой. А это её дети. – И тут произошло ... Мальчик и девочка лет 5—6 вцепились в меня с двух сторон и начали громко кричать и плакать:

– Простите нашу маму! – Повторяли они. Я стоял дурак-дураком с поднятыми руками и не знал, что делать. Наконец сказал женщине:

– Прекратите же это! – Она забрала всё ещё плачущих детей. И увела их.

Этот неприятный инцидент не дали мне забыть и в последующие дни. Лола Хамидовна, как представилась мне дама, упорно приходила на мобильник – зазывала меня на откровенный разговор. Я не хотел ничего с ней обсуждать. Тогда она пригрозила, что придётся повторить «акцию».

– Неужели вам приятно выглядеть мучителем детей!? – Достала. Я согласился.

Мы провели больше двух часов в большом и шумном кафе, но поскольку устроили нас у окна за колонной – никто нам не помешал. Вот её рассказ:

Мои предки из Баку. Я тоже родилась там, но совсем ничего не помню. Мне не было и трёх лет, когда отца перевели в Москву. Он был настоящий патриот и воспитывал нас также. Всё в доме у нас было именно «советское». Отец считал, что национальные традиции «тянут в болото вековой отсталости». Мы с сестрой отлично учились, летом обязательно ездили в пионерский лагерь. Один раз отдыхали даже в «Артеке». Возможно, вы даже не сможете оценить этот факт – это для советского подростка было как вручение Нобелевской премии мира. Так же, как в общеобразовательной школе, я отлично училась и в музыкальной. Когда окончила её по классу фортепиано, меня выдвинули в группу органистов. Даже в этой группе, в которую отобрали лучших я «попала в тройку». Открывались прекрасные перспективы международных конкурсов, гастролей. Родители мной гордились и всячески поддерживали.

И тут мы встретились. Хафизу тогда исполнилось тридцать. Певец и композитор, сочинявший сам свои баллады, красавец, любимец женщин. Это была любовь с первого взгляда. Родители были не в восторге оттого, что моя блестящая музыкальная карьера отменяется, но благословили. Родилась Фарида. Я, как только смогла, стала ездить на гастролы вместе с Хафизом. Фариду воспитывали в основном

дедушка и бабушка. Но, в общем и целом, всё было хорошо, ребёнок рос в любви и полном благополучии.

В те годы у нас часто жили родственники Хафиза, которые приезжали, чтобы обосноваться в Питере. Один из них – Саркис. Он жил у нас год или два. Потом съехал – женился на местной девушке.

Грянула перестройка. Для нашей семьи это была полная катастрофа. Отец лишился своего места. Теперь у них с мамой была лишь мизерная пенсия. Мой муж месяцами сидел без работы – запасы быстро таяли. Отец ушёл первым. Для него это была морально непосильная травма. Всю жизнь он исповедовал идеалы, которые теперь рухнули. Мама не прожила без него и года. Тогда Фарида пережила первое потрясение, лишившись любимых дедушки и бабушки, которые её вырастили. Они даже квартиру свою не приватизировали – отец слышать не хотел обо всех этих штучках, и она отошла государству.

У нас с Хафизом квартира была тоже просторная, в хорошем месте и пришёл день, когда мы обменяли её на другую – поменьше и похуже, но с доплатой. Мой муж сломался, запил. Он чувствовал свою вину из-за того, что больше не мог обеспечивать семью. Из всех его братьев в разное время пользовавшихся нашим гостеприимством «поднялся» лишь Саркис. Тогда он был владельцем нескольких магазинов. Он легко давал нам деньги в займы, но вечно это длиться не могло. И вот однажды моего мужа нашли в гараже, где он

пропадал в последнее время, мёртвым, отравившимся газом. А я обнаружила дома прощальное письмо. В нём он просил прощения за горе, которое всем причинил и благословлял меня на брак с Саркисом.

Саркис явился вскоре после похорон, которые он же и оплатил. Он принёс список наших долгов:

– Извини, Лола, мы так и останемся друзьями, но я хочу, чтобы ты знала.

Итоговая цифра превышала стоимость квартиры, в которой жили мы с Фаридой.

Насладившись моим отчаянием, он продолжал, перейдя для важности на «вы»:

– Но выход всегда есть. Я прошу руки вашей дочери Фариды, – торжественно заявил он. И добавил:

– Я не прошу вас ответить прямо сейчас. В вашем распоряжении неделя.

Этот лысоватый и расплывшийся мужлан вовсе не меня хотел видеть своей женой, как думал мой несчастный муж, хотя по возрасту – в самый раз. Он старше меня на 4 года. Ему была нужна моя нежная девочка, которой ещё не исполнилось 18, которая ещё училась тогда в школе последний год. Я была вне себя от ярости.

– Мне не нужна неделя. Я могу ответить прямо сейчас – нет!

Тем не менее, она стала его женой, не прошло и полгода. Как только ей исполнилось 18. Она сама проявила инициа-

тиву, когда Саркис всё объяснил и ей.

Фарида переоценила свои силы. С ней постоянно работал психотерапевт в первые два года их брака.

Потом вроде что-то наладилось. Она родила близнецов – и мальчика, и девочку сразу и занялась детьми. И даже мужа своего полюбила, как отца своих детей.

А он завёл любовницу. Ещё моложе её! И не особенно пытался это скрыть. В этот вечер он явился поздно с запахом чужих духов. Ссора. Она одевает детей, которые уже спали, намереваясь ехать в город ко мне. Чисто импульсивное решение доведённой до отчаяния женщины! Он обязан был её остановить!

Но того, что случилось – не исправишь. Вашей девочки нет! Фарида виновата. Но если она попадёт в зону – её тоже не спасти! Почти месяц она провела в клинике. Она больше никогда не сядет за руль! Она уже наказана и будет казнить себя всю жизнь.

Не лишайте матери её детей! Я прошу вас об одном – дневник Ани не должен всплыть на суде. Её может спасти только допущение, того, что Аня могла сама броситься под машину.

– Но это неправда! – не выдержал я.

– Я знаю. – Опустила глаза моя собеседница. – Но другого варианта просто не существует. Я хочу, чтобы моя дочь не попала в тюрьму. Она после этого точно умрёт в психбольнице. Если вы считаете, что ваше молчание по поводу

дневника стоит денег – звоните. Он всё оплатит. – Она выдержала паузу и жёстко продолжала:

– А если вы его обнаружите, и она получит из-за этого реальный срок, предупреждаю – я буду мстить! И на кого падёт удар – на вас, на ваших родителей, на вашу дочь – мне всё равно. Потому, что исправить уже ничего нельзя. Можно только отомстить.

Я молчал.

– Жду вашего звонка, – в заключение сказала Лола Хамидовна и удалилась.

Глава 8. Семейные и другие дела

Наконец-то мы забрали Анечку! Готовились больше двух недель. Прежде всего, сделали косметический ремонт в моей комнате, где будет жить наша крошка. Делали, конечно, мастера, но и нам работы хватило по разборке старых вещей, на которой я настоял под впечатлением от квартиры Надежды. Освободили большую часть антресолей. Антикварных, то есть моих, коляски и кровати, правда, обнаружить не удалось. Но обнаружилось многое другое – зачем мы всё это хранили – не знаю. Когда всё было чисто, купили и привезли новую кровать и коляску.

Забирать поехали все вместе. Заказали музыку, фото- и видеосъёмку – пусть у моей девочки будет всё это на память! Все принарядились, купили для Анечки красивый розовый конверт. Просмотрев получившееся видео, я остался почти доволен его качеством. Пригласил я и родителей Ани. Отец приехал и тоже участвовал в церемонии.

Начались «трудовые» будни. Первое время малышка отнимала всё моё и мамино время.

Потом как-то всё утряслось. Главное – соблюдать режим, и всё тогда течёт своим чередом. Плакала Анечка тихо, но, хотя я сплю обычно очень крепко, её я слышал и успевал встать к ней, до того, как проснутся родители. Бутылочки, купание, первые, подвешенные над кроватью, игрушки...

Анечка меня уже узнавала и изображала что-то вроде улыбки.

Она выглядела смугленькой, волосики росли тоже тёмные. Темно-серые, как у меня, были только глаза. Я научился её понимать и даже «разговаривал» с ней. Мне она нравилась больше и больше. Родители тоже принимали самое деятельное участие.

Но всё-таки, няню надо будет поискать. Когда переедем за город.

Володя ушёл со своей административной работы.

– Это всё-таки не моё. Этот высокий оклад не стоит времени и нервов, которые приходится расходовать. Как фрилансер, я заработаю не меньше. И будет время на наш собственный проект.

Мы договорились так – я вношу здание, а он – свои идеи и займётся организацией самого развлекательного центра. Он уже сходил на разведку в архитектурный и строительный институты. В своём же бывшем – набрал команду энтузиастов, которые были готовы приступить к работе немедленно.

Когда мы смогли переехать за город, небольшой палаточный лагерь вокруг старинного фабричного здания уже стоял. А на первом этаже было оборудовано что-то вроде офиса, где под руководством Володи «креативило» человек 20 студентов. Бригада уборщиков расчистила всё от векового мусора, и наш развлекательный центр уже выглядел довольно

симпатично. Правда, сразу бросалось в глаза, что всю работу за этот сезон мы вряд ли успеем закончить.

– Какой сезон? – удивился Володя. – Всё это круглогодичное мероприятие. Я уже заказал быстро сооружаемый ангар, в который мы будем селить туристов, а пока будут жить наши работнички. Студенты уже сейчас у нас здесь проходят производственную практику. Об этом я договорился. Им хорошо, и нам хорошо. Готовы проекты переустройства всех трёх этажей. – Он показал мне проекты, разъяснив вкратце, как что будет работать. Увлечённо жестикулируя, мой партнёр продолжал:

– Предусмотрел я и приготовление еды. Мы будем угощать клиентов настоящей китайской кухней. Они уже начали готовить, для студентов. Хочешь попробовать? Пожалуй, и я с тобой.

Мы поели лапши по-синдзански, которая сегодня была дежурным блюдом. И пообщались с двумя поварами, которые выглядели как подростки.

– Ты не думай – одному 25, другому – 28. Готовят отлично. Ни разу меня не подвели. Правда, есть проблема. Ночуют по очереди прямо в кухне – поскольку работать начинают в 5 утра, не хотят тратить время на дорогу. Как только будет готов ангар – многие проблемы отпадут.

Я вспомнил про Рут – мою докторшу из Новейшей Эры – ласковый голос, нежные руки.

– Послушай, а девчонки у них есть? Не хотят они подра-

ботать нянями? Я уже и комнату оборудовал для Аниной няни. А то я пока не выездной даже в город получаюсь. Маме поднимать ничего нельзя тяжелее 3-х килограмм. Анечка уже существенно больше.

Китайская няня для моей девочки появилась на другой же день. Один из наших поваров устроил к нам свою сестру. По-русски, она, правда, говорила с большим акцентом. Но хорошо знала английский. Договорились, что с Анечкой она будет говорить по-английски. Я вычитал в Интернете, что двуязычный ребёнок развивается быстрее и умственно и физически.

Наша семья в полном составе подружилась с семьёй Стрижовых-Вольских. Илонка с мамой объяснялись на смеси польского и русского, а Бася говорит по-русски практически без акцента. Тем у наших дам находилось множество – дети, кулинарные рецепты, огород, по части которого Илонка была признанным авторитетом. Следующее лето она планировала провести в Кракове – там Яцек, её муж, жил на даче один одинёшенек.

– Вы не представите, как там хорошо! – вздыхала Илонка.

Наши отцы тоже нашли много точек совместных интересов. Прежде всего, они лежали в области ремонта машин, ну и наши дежурные русские фишки – баня и изготовление шашлыков.

Будем надеяться, что детки наши тоже подружатся когда-нибудь.

Глава 9. Барбара Стрижова-Вольская. Отступление №4

Красавица – дар судьбы или приговор? Свою внешность я унаследовала от бабушки Ядвиги, которую почти не помню. Она была оперной певицей, много и успешно гастролировавшей, и погибла в авиакатастрофе. Мне было тогда лет 8. Казалось бы возраст вполне сознательный. Но бабушка просто очень редко общалась не только со мной, но и с мамой. Да и с дедушкой тоже, хотя они поженились по такой невероятной любви, что дед после её трагической гибели долго лечился, по его собственному выражению, от «душевной болезни».

«Особенная» была у нас именно бабушка. Кроме блистательной красоты – великолепное меццо-сопрано. Была ли она счастлива? Хочется думать, что да. В нашем семейном архиве имеется небольшой документальный фильм, в котором кроме прекрасно отснятого концертного номера – ария Далилы из оперы «Самсон и Далила» детально и подробно показана реакция публики – певица при этом выглядит не менее счастливой, чем фанаты, рвущиеся к сцене.

Но, то, что хорошо на сцене, не всегда уместно в жизни. Я никогда не хотела на сцену. Оперная певица – это ещё, куда ни шло. Но голоса, увы, у меня нет. Считается, что лю-

бая девушка мечтает сниматься в кино. Но для этого надо иметь желание и способности к этому самому лицедейству. Возможно, если бы я выросла «под сенью кулис» – всё пришло бы само. А мои любимые мама и дед – преподаватели и исследователи английской филологии даже в театр водили меня редко. Их хобби, быстрее всего, жизнь на природе, разные красивые растения. Ну, да, смотрели фильмы, слушали музыку. Так как все.

Итак, я поступила в университет на филологический факультет. Увлечение историей и культурой кельтов у меня от мамы. Любимый исторический период деда – эпоха Диккенса. Тогда ни мама, ни дед там уже не работали. Дед в связи с возрастом, а маме вполне хватало работы с издательствами по поводу книги моей любимой тётки Эни.

Училась я отлично, поступила легко, но в университете опять вокруг меня образовался вакуум. Я начала чувствовать проблемы с общением, когда мне было лет 15. Девчонки не хотели терпеть меня в своей компании. Опасная конкурентка, так они считали. А зря!

С мужским полом, казалось бы, проблем быть не должно. Отнюдь. Меня пытались склонить к любви разные странные персонажи, которых я вовсе не любила, остальные – на всякий случай отходили в сторону. Оставалось самой проявлять инициативу. Так что подружки мои университетские – отчасти подневольные. Это я, поддерживая отношения, придумывала всякие интересные мероприятия, организовывала поезд-

ки во Францию и в Германию.

С мальчиком, которого я назначила себе в бойфренды, получилось ещё смешнее. С большим трудом я устроила ему место в экспедиции по «кельтским местам». У нас на факультете моя тема вдруг стала очень актуальной. Так он остался в Ирландии – стал невозвращенцем! Расстраивалась по этому поводу я недолго. Путешествия, вечеринки, занятия наукой – студенческие годы пролетели стрелой. Практически все девчонки из нашей группы вышли замуж, а некоторые и первенцев родили. Я регулярно ходила на свадьбы и крестины. Подруги у меня к концу обучения всё-таки образовались, а вот с претендентами на руку и сердце было хуже. То есть, совсем плохо! В нашей среде, кроме всего прочего, мужчины обычно небольшого роста, субтильные, ну и пугливые какие-то. Зато мой высокий рост и статная фигура периодически привлекали внимание фотографов, отлавливающих модели для модных журналов. Вот это уж точно не моё!

И тут перед моей очередной поездкой в Варшаву мама мне сообщила:

– Ты знаешь, кто живёт теперь в Варшаве? Мне Надежда вчера сообщила. Володя из Санкт Петербурга. Помнишь, они приезжали к нам один раз вместе с Андреем? Запиши его телефон. Сводишь его куда-нибудь хотя бы один раз. А то ему, наверное, скучно в незнакомом городе.

– Да, конечно, я обязательно ему позвоню, – ответила я Илонке.

Всю дорогу до Варшавы я вспоминала то далёкое лето. А лет прошло почти 15. Он был тогда достаточно взрослый – высокий в толстых очках. На внешность – похож на зануду, а в действительности очень весёлый и заводной. У нас на даче стоял хороший компьютер с быстрым Интернетом, и он тренировал нас с Андреем, как пользователей. Во что мы только тогда не поиграли! Кроме «игрушек» по его инициативе мы облазили окрестности. Побывали в таких местах, о которых я, которая проводила здесь каждое лето, даже не подозревала.

– Сколько же ему сейчас лет? Не меньше 35-ти. – Решила я. – Наверное, стал таким солидным и лысоватым отцом семейства.

Всё оказалось не совсем так. То есть совсем не так! Он совершенно не изменился, даже как-то похудел и похорошел. Очень мне обрадовался. Мы теперь каждый вечер куда-нибудь выдвигались. Находиться рядом с ним было захватывающе интересно – весёлый, энергичный и прямо какой-то кладёзь нестандартных идей и источник эксклюзивной информации. К тому же оказалось, что нет у него ни жены, ни детей. Времени, видите ли, ему всегда было жалко на «эти бессмысленные ритуалы». Осторожно выяснив, что институт семьи он в принципе не отвергает, а детей любит, я начала действовать. А что мне терять? Близко уже был мой тридцатник.

А человек мой! Не каждая его вынесет. Да и меня не так

просто приспособить к семейной жизни. Сопротивлялся он не долго. Пробовал мне что-то такое изложить типа, что никогда ему не заработать на достойную оправу для такого как я бриллианта. На это я ему ответила, что терпеть не могу дорогие побрякушки. Мы стали любовниками. Я ещё раз убедилась, что он подходит мне во всех отношениях. Через полгода состоялась наша свадьба.

Мама и Яцек были рады за меня. Они уже беспокоились «не одинокий ли я волк». Никто не верит, что просто претендентов не было подходящих. Даже дед успел благословить. Он, правда, на свадьбе не гулял, слишком уже был слаб для поездки в Варшаву. На свадьбе присутствовали в основном сослуживцы Володи. Среди них было много русских. Эта фирма, в которой Володя зам. директора базируется в России. Я знаю русский ещё со школы. Не так хорошо, как английский, конечно, но это придёт.

На свадьбе опять я получила кучу комплиментов на ту же тему: прекрасная полька и хитрый тихоня, который умудрился её завоевать. Мы никому не рассказали, как было дело. Были счастливы и всё!

Не прошло и года, как появились на свет мои сыновья, мои птенчики, мои воробушки. Вот оно, главное дело моей жизни! И наши отношения с Володей только улучшились после появления детей. Он отказался стать директором Варшавского филиала. Его не устраивала работа, которая не позволит ему проводить много времени со мной и детьми.

– Если я пропущу сейчас – мне не наверстать никогда! – однажды грустно сказал он мне, и мы стали готовиться к переезду в Санкт-Петербург.

Дедушка Вацлав чуть-чуть не дожил до появления правнуков. На похороны мама меня не вызвала – всё-таки я была тогда на 7-м месяце.

Она пыталась меня уговорить остаться в Польше, пока дети так малы, но я объяснила ей, что мы переезжаем именно для того, чтобы Володя чаще мог видеть сыновей. Тогда она решила поехать со мной, хотя бы на полгода – помогать. Четыре месяца мы прожили в огромной квартире Володиных родителей. Они великолепные люди, но две семьи в одной квартире – это всё равно тяжело. Трудно было, прежде всего, Рае – хозяйке и маме моей, которая привыкла к роли хозяйки у себя в Кракове. Притёрлись! Тут как раз и подвернулся вариант с загородным домом, который мы сняли у Андрея.

«Малый» теперь сам уже папаша. У него, правда, обстоятельства этого факта далеко не такие счастливые как у нас. Счастье его в другом. То, что он по-настоящему сын моей любимой тёти Эни я знала давно. Она же была беременна, когда в первый раз у нас появилась. А теперь она презентовала ему много денег, которые для него скопила.

Андрей с Володей готовят открытие развлекательного центра для молодёжи. Это будет что-то грандиозное. И работы хватит всем.

Глава 10. Суд над Фаридой

Настал день, вернее вечер, когда мы с отцом поехали в город, а мама с Анечкой остались одни. Не одни, конечно. С китайской няней, которая попросила звать её Нэлли. Для подстраховки и соседи Стрижовы-Вольские оставались дома в полном составе.

Отцу рано утром надо было на смену, а я был вызван в качестве свидетеля на суд. С Лолой Хамидовной я больше не разговаривал. Теперь я знал её номер и отключался сразу.

Тем более неожиданной для меня и для отца, естественно, была её повторная акция. Снова дети хватили меня за ремень джинсов, кричали и плакали. Снова она дождалась, когда я взмолился:

– Прошу вас, уберите детей! – Самое неприятное, что кроме отца, застывшего в изумлении, эту сцену наблюдали две пожилые собачницы – наши соседки.

– Андрей, я же просила вас позвонить! Видимо, вы забыли. Пришлось напомнить, – это всё, что сказала мне эта мадам и удалилась.

Пришлось мне рассказать отцу всё. И про первую акцию, и про наше «свидание» в кафе.

Он запечалился, задумался:

– Не знаю, Андрей, что тебе и посоветовать! Казнить или помиловать – это решаем обычно не мы, простые смертные.

Хотя бывает и нам приходится.

И рассказал мне под влиянием момента нашу семейную тайну.

– Всё равно, рано или поздно ты спросишь об этом. Я о родителях Лины. Я сам из детдома, поэтому на своей шкуре ощутил, как это важно, когда у тебя живы родители.

Помнишь, когда ты был дошкольником, мы возили тебя к ним в райцентр? Конечно, помнишь, о чём я говорю! Они были настолько добрыми, светлыми и состоявшимися в любом смысле этого слова, что забыть их невозможно. Но потом, как ты помнишь, мы виделись только на нашей территории. Они приезжали к нам зимой сразу после Нового Года на день рождения Лины. И, иногда, весной на твой. Они знали нашу тайну. Объяснить то, что Лина вдруг родила, не будучи беременной, было не реально. Но дело не в этом.

У Лины есть младшая сестра – Лариса. Общая любимица, музыкантша, которая унаследовала абсолютный слух отца, поступила в престижное музыкальное училище по классу скрипки. Считалось, что она умница, красавица и гордость семьи. Про Лину ты знаешь. Три раза безуспешно пыталась поступить в мединститут. Не добирала одного балла. В наше время, чтобы девочке пройти в мед – надо было иметь или стаж, или блат. А ещё лучше и то, и другое. Мальчиков, кстати, брали всех, кто сдал на положительные оценки. Это было связано с нехваткой военных медиков. Так что Лина, которая пошла в медучилище, чтобы хотя бы в качестве мед-

сестры работать в медицине, была как бы неудачницей. Нет, родители этого никогда не говорили, но Лина сама, быть может, себе это внушила. Отношения с сестрой, к тому времени как мы поженились, у них были прохладные.

А случилось вот что. Лариса вышла замуж по большой любви за красавца кавказской национальности. Ты не думай, я не расист, но просто не знаю, кто он был точно – по-моему, аварец, а может я и ошибаюсь. Он учился в том же училище – единственный сын богатых родителей. Они уехали после свадьбы на его родину, где им сразу подарили и дом, и машину, и мебель, и ковры. Я общался с ними всего один раз – они приезжали к нам в коммуналку ещё до твоего рождения. Выражение их лиц говорило – ну как можно жить в таких условиях? И через слово проскакивали разные хвастливые сообщения про собственное благополучие.

Но благополучие закончилось по самому ужасному поводу – у них там началась война.

Чем уж они провинились, но всё имущество его родственников было конфисковано в фонд войны с «неверными».

Сначала в родительский дом вернулась Лариса с двумя маленькими сыновьями. Бедную девочку старались отогреть от ужасов, которые ей пришлось пережить. А потом в их дом стали прибывать родственники Амира. Сам он почему-то отбывал срок. Потом из тюрьмы по амнистии явился и Амир. Стали являться даже освободившиеся сокамерники. Жизнь родителей превратилась в ад. Они долго скрывали от нас

это. Но однажды они неожиданно приехали, и мы проговорили весь вечер и часть ночи. Тебя не было дома – ты уехал в Москву вместе с Эни. Ничего так и не придумали. Но я пообещал, что помогу им выселить хотя бы разных постояльцев мужского пола. В конце недели мы должны были к ним приехать разбираться.

Нам позвонили на день раньше – родители скончались – отравление угарным газом. И это среди лета! Лариса объяснила, что мать решила протопить, чтобы нагреть побольше воды для бани.

Мы были в страшном горе. Во время похорон, сёстры даже помирились около свежей двойной могилы. Вернулись домой. От них – ни звука, ни ответа, ни приветия. Поехали в их городок – дом продан задним числом. Как будто, родители подписали все бумаги за один день до смерти. Лариса с семьёй исчезла. Что нам было делать? Просматривается ясно видный криминальный след. И в то же время очень-очень не хотелось в это верить!

Я воспользовался своими старыми связями и их нашли. В том же городе на родине Амира. Все четверо живые и здоровые.

Мы не стали подавать на них заявление в милицию. А может быть, и надо было это сделать!

Я согласился, но поставил условие – все отношения с ними прекращаем. Я даже ночевать с ними не останусь под одной крышей и вам не разрешу!

С тех пор прошло больше десяти лет. Никто нас больше не беспокоил.

Утром он ушёл на смену, а я поехал в суд. Судили при-
сжные. Обвинение налегало на факт неоказания помощи
и ребёнка, который с самого рождения остался без матери.
Защита выдвинула версию, что пострадавшая могла сама
бросится под машину с целью самоубийства. То есть это-
го утверждать наверняка невозможно, но вероятность этого
очень большая. Первый свидетель – мужчина, переходивший
перед Аней дорогу, теперь уже был уверен, что он – переходил
на «жёлтый», значит, Аня точно шла на «красный».

Выступила в качестве свидетеля Роза Михайловна. Рас-
сказала, что Аня много слушала разной мрачной музыки
о красивой смерти. Вызвали и меня. Спросили:

– Когда вы жили гражданским браком, говорила ли Аня
о смерти, как способе уйти от проблем? – я ответил:

– Нет, не говорила.

– Почему вы расстались? – спросил обвинитель.

Я был вынужден сказать, что она меня оставила, когда
узнала об измене. Адвокат Фариды поинтересовался судьбой
дочери Ани. Я сказал, что она живёт со мной и мои родители
мне во всём помогают.

Как-то очень быстро подсудимой предоставляют послед-
нее слово. Она встала – такая бледная, без косметики, одетая
в серое платье – сама скромность и смирение и произнес-

ла свою речь с трагическим выражением лица.

Да, она признаёт себя виновной, но просит о милосердии. Сообщила, что лечилась после аварии в нервном диспансере и обещает, что никогда в жизни не сядет больше за руль. В конце речи она картинно, как мне показалось, зарыдала.

Вердикт присяжных был – «виновна», но заслуживает снисхождения. Приговор – три года условно. Противно было смотреть, как они все и адвокат обнимались и поздравляли друг друга. Я не стал настаивать на обжаловании приговора.

Глава 11. А вдруг получится?

Меня накрыла волна чёрной меланхолии. После суда, за что бы я ни брался – не мог отогнать от себя мрачные мысли. И злился я не на Фариду – эту безголовую дамочку, которая ускользнула-таки от справедливого возмездия. Я роптал на судьбу, которая так небрежно распорядилась с Аниной, только начавшейся жизнью.

Меня всячески пытались отвлечь. Родители демонстрировали ежедневные «достижения» моей крохи, а мне плакать хотелось, когда я представлял на месте Нэлли Анюту, почему-то такую же босую и в коротком льняном халатике.

На «объекте» работа шла довольно быстро. Был уже готов второй этаж. По задумке Володи – второй этаж – это будет нулевой уровень, который надо пройти. За игроком «гонялись» виртуальные и реальные монстрики и нечисть, которые можно было отключать, но «отключалки» каждый раз ставились в новое место. Дизайн и звуковое сопровождение были настолько насыщенными, что я решил, что следует оборудовать нормальный медпункт на выходе.

Приехавшую навестить нас Надежду, мы тоже провели по нулевому уровню. Девушкой она оказалась впечатлительной – даже слишком. Визжала как пожарная сирена!

Но её реакцию нельзя принимать за основу. Опрос показал, что она никогда не увлекалась ни «стрелялками», ни

«бродилками». Перед каждым героем-участником мы будем ставить квест – задачу по поиску художественно исполненной эмблемы клуба. А потом награждать наших, например, бесплатными опциями. Всем этим вдохновенно занимался Володя с командой, подобравшейся из увлечённых студентов. Попасты в команду было ещё не так легко. Всех претендентов Володя экзаменовал лично. Денежки, правда, исчезали очень быстро, поэтому совсем не лишним был факт продажи одного из рисунков Модильяни. Стучались, правда, желающие «вступить» в долю, но оба мы считали, что надо держаться вдвоём до последнего патрона.

Надежда провела у нас почти целый день. Она пригласила меня на гастрольный спектакль московского театра оперетты и уехала, вполне довольная увиденным.

В доме мы сразу устроили всё разумно и рационально. Готовили всё к каждому приёму пищи только для Анечки. Для себя, кроме полуфабрикатов, которые всегда были наготове, мы часто брали еду из студенческой столовой – зачем напрягаться, если там всё гарантированно свежее и такое вкусное! Мы с отцом старались, чтобы Лина не переутомлялась на домашней работе. Отец водил её гулять к заливу. Маршрут у них выработался постоянный, с местами отдыха и просто остановками.

После спектакля Надежда пригласила меня к себе – оказывается у неё круглая дата – 20 лет со дня открытия первого магазина. Веселиться мне не хотелось, но настроение,

заданное «Летучей мышью» ещё держалось. После моей полусутоливой приветственной речи и шампанского Надежда, мы с ней были уже на «ты», как всегда, вызвала меня на откровенность. Она как никто может выслушать и сказать правильные слова. Также было и в этот раз:

– Не казни себя. Самоедство – это чисто русская традиция, с которой надо бороться. Даже если бы Фариду посадили реально в зону, никто счастливее от этого бы не стал!

Вряд ли судьба вела неотвратимо этих двух женщин к роковому столкновению. Это быстрее кто-то что-то попустил. Но нужна, как минимум, Машина времени, чтобы это исправить!

Сначала я не обратил внимания на эти слова. А потом они приходили ко мне снова и снова. Я теперь думал только об этом. Ну, конечно, Машина времени! Перед самым столкновением надо «изъять» Анюту и увезти её в Новейшую Эру. А что тогда будет с моей малышкой? Вычислить заранее ничего нельзя.

Предположим такой сценарий – Аня вышла и ...пропала. Всё равно это лучше, чем гибель в результате ДТП. Известно точное время и место столкновения. Было темно, поэтому легко похитить её у подъезда или по дороге к переходу. Потом в машину и сразу на ней же в «окно». Вмешательство должно быть максимально коротким!

Не сразу, но я решил рассказать об этом плане Надежде. Мне просто необходимо было с кем-то его обсудить. Выбора,

собственно, с кем – у меня не было.

Я позвонил ей и попросил разрешения приехать – надо посоветоваться. Она подтвердила, что ждёт меня вечером. Попросив её выслушать и высказать своё мнение, я изложил такой план:

1. Мы с Мартином или Эни перемещаемся на Машине в нужную дату. Лучше на сутки раньше.

2. Настаёт вечер X. Как только сёстры входят в подъезд – готовность №1. Выходит Анюта. Я её обездвиживаю и похищаю. На машине мы едем прямо в Ораниенбаум. Старт.

3. Я возвращаюсь и оцениваю, что же изменилось из-за нашего вмешательства. Если, например, вариант, что Аня просто вышла из дома и пропала – можно будет её просто вернуть через сутки, например.

Надежда смотрела на меня странно блестящими глазами. Щёки её горели. Наконец сказала:

– Ага! Здорово! А я могу быть за рулём, – предложила она.

– Это будет ещё проще, – загорелся я, и почти сразу сообразил, что не так всё просто, – ты же ещё ничего не знала в тот день!

И мы стали придумывать вдвоём, что мне такое сказать той прошлой Надежде, чтобы она мне поверила и помогла.

Вариант был принят такой – я прошу Надежду помочь мне помириться с Анютой. Я, как бы, хочу её сам похитить.

– Не откажешь? Ты же должна знать, на что ты ведёшься. Я, например, почти на всё веду, хотя вроде и не вчера ро-

дился.

Настроение у меня улучшилось. Завербовав себе помощницу, я приступил к конкретике.

Виза в Штаты у меня действующая, Шенген тоже. Я начал методично набирать рабочие телефоны «Метаморфозы». Мой старый знакомый Том ответил через шесть дней. Узнав меня по голосу, да и слово-ключ мне известное возымело действие, он назвал мне дату отлёта. В моём распоряжении ещё неделя!

Родителям я сказал, что мне надо срочно слетать в Штаты. Они восприняли это как должное. Володе, своему партнёру, я пообещал путешествовать не больше месяца.

Я поехал прямо в Аэропорт! Я был согласен на любой билет. Лучший вариант – прямо до Вегаса. Не прошло и трёх часов, как мне предложили билет в бизнес класс до Лос Анжелеса. Цена заставила меня поморщиться, но момент был для экономии не подходящий.

И вот я опять над Атлантикой. Вытянув вперёд длинные ноги, укрытый фирменным пледом, наслаждаюсь полагающимся согласно билету сервисом.

Глава 12. Эх, Олеся!

Ещё в аэропорту я легко дозвонился Тому. Он сразу узнал мой голос. В ответ на высказанное мной намерение лететь с ними в Новейшую Эру, ответил:

– Да, без проблем! Старт в... Примерно за 6 часов – «регистрация» с обеих сторон. Ты её уже проходил и знаешь, – засмеялся он.

Я сообщил ему, что прилетел в Лос Анжелес. На это он мне ответил, что с удовольствием составил бы мне компанию – в Вегасе 40-градусная жара. Из отеля лучше не высываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.